

№2
Февраль 2017

РУССКИЙ КЛУБ

ТБИЛИССКИЕ КАНИКУЛЫ
ДМИТРИЯ ПЕВЦОВА

С. 10

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Донара КАНДЕЛАКИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№2 (136)
Февраль 2017

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 КАРТВЕЛОЛОГ Я, КАРТВЕЛОЛОГ...
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 10 ТБИЛИССКИЕ КАНИКУЛЫ ДМИТРИЯ ПЕВЦОВА
НИНА ШАДУРИ
- 14 АЗАРТНЫЙ АКАДЕМИК
ИРИНА МАСТИЦКАЯ
- 18 «MADE IN ITALY». 60 ЛЕТ ТРИУМФА
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА
- 21 ДА БУДЕТ СВЕТ!
- 22 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 28 АВАНГАРД – ЭТО СВОБОДА!
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 33 «ОКРЕСТНОСТИ» ДОМА
ЭРАСТ КУЗНЕЦОВ
- 40 АНАИДА БОСТАНДЖЯН
- 42 ИКОНА ГРУЗИНСКОГО КИНО
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 44 ПРОФЕССОР «ФИНТОЛОГИИ»
ДЕМИКО ЛОЛАДЗЕ
- 48 НОВОГОДНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАРЛСОНА
НИНО ЦИТЛАНДЗЕ
- 49 ВОСПОМИНАНИЯ
ГАННА ЭЛИАВА-МАЛИЕВА
- 54 УТРАТА

На обложке – В Тбилиси зима

Фото **Александра Сватикова**

ОТ ДО

■ Роб АВАДЯЕВ

130 ЛЕТ ЧАПАЕВУ

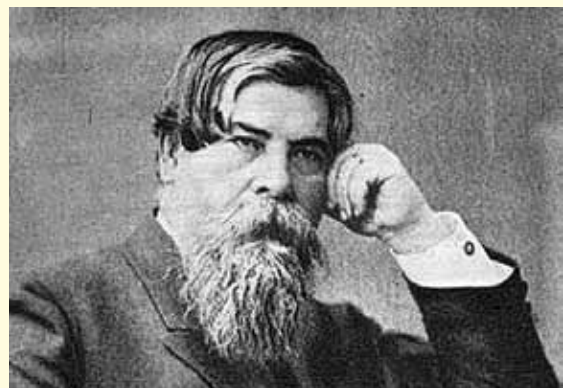
И вовсе не был Чапай из знаменитого фильма и бесчисленного числа анекдотов таким, каким его привыкли считать – ни прощачком, ни дурачком. А еще не был лихим кавалеристом в бурке с шашкой «вперед на лихом коне». У фельдфебеля 326 пехотного полка Василия Ивановича Чапаева, кавалера трех Георгиев и Георгиевской медали, в сентябре 1915 года было пулей перебито сухожилие. Он просто физически не мог управлять лошадью и предпочитал автомобили – например, мощный роскошный трофейный «Паккард». И вообще, народный герой был весьма опытным и талантливым военачальником, который очень прилично разбирался в самых передовых тенденциях современной ему военной науки. В его дивизии был отряд связи, мотоциклисты-разведчики, было четыре аэроплана, броневики и английские танки, захваченные у неприятеля. Была и своя разведка с контрразведкой. Были и мобилизованные военспецы из бывших царских офицеров. Чапаев был эдаким самородком, подобно легендарному партизану 60-х годов, врачу по профессии Че

Геварре. В недолгой тридцатидневней жизни Чапая было все не так уж гладко. Тяжкий труд с самого детства, нужда, война, ранения, бросившая его с детьми жена, партизанщина. Но была и летящая впереди воинская слава, и ранняя гибель в холодных водах реки Урал. А начинал он, как командир красногвардейского отряда бывших фронтовиков – Василий Иванович сплотил своих боевых товарищей в боеспособное подразделение, ставшее пехотным полком. Николаевский комитет большевиков поручил Чапаеву провести мобилизацию. У него все получилось идеально, хотя жалобы на его самоуправство приходили исправно. Он просто порол дезертиров. Да-да, именно порол. Публично. А еще очень доходчиво и с солдатским матерком объяснял и агитировал: «Свобода вам нужна? Чтобы земля была ваша? А воевать, лети вашу в трубу, я один за вас буду?» И ведь воевал, и воевал успешно – весь 18-ый год прошел под знаком его побед. И Петька рядом с ним был – боец Петр Исаев. Анки, правда, не было – это кинематографисты придумали. А вот с комиссаром Фурмановым у Чапая в реальности отношения не задалась – характер у народного героя был совсем не сахар, плюс увлекся комиссарской женой. Но свое дело в создании мифа о Чапае Дмитрий Фурманов сделал – написал книгу, которую потом экранизировали. А еще у Чапаева учиться не было времени. По приказу Троцкого его направили на учебу в Академию Генштаба. После месяца мучений в душных аудиториях народный герой попросту сбежал на фронт, к Фрунзе. А тот решил снова привлечь талантливого командира и доверил ему 25 стрелковую дивизию. Расчет оказался верным, Чапаев исправно побеждал и побеждал. Но собственная удачливость в итоге его и погубила – он потерял бдительность, расположив свой плохо защищенный штаб неподалеку от линии фронта в уральском городе Лбищенске. А белые предприняли нестандартную военную хитрость – кавалерийский рейд с передвижением только по ночам и неожиданным нападением. Захваченные врасплох чапаевцы упорно защищались,

отступая к реке. Тяжелораненого командира переправили на другой берег Урала на створке от ворот, где он и умер. Могила Чапаева не сохранилась. Осталась только слава, фильм и ... анекдоты. Однажды популярный артист Михаил Державин рассказывал чапаевские анекдоты своему тогдашнему тестю – легендарному Буденному. Тот слушал, усмехался, а потом пригорюнился: «Говорил я ему, дураку, мол, учись, Васька, а то ведь все над тобой смеяться будут!»

АКАДЕМИК БЕХТЕРЕВ И «СУХОРУКИЙ ПАРАНОИК»

В феврале исполняется 160 лет выдающемуся русскому ученому, врачу-психиатру, основоположнику рефлексологии патопсихологии, академику Владимиру Михайловичу Бехтереву. Он происходил из семьи мелкого провинциального чиновника, но древнего уважаемого рода. После учебы в Вятской гимназии Владимир поступил в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию, которую окончил в 1878 году. И практически сразу занялся серьезными научными изысканиями в области клинической психиатрии под руководством профессора И.П. Мержеевского, уже через год став членом Петербургского общества психиатров. А потом была докторская диссертация, работа в Казанском университете и кафедра нервных и душевных болезней Санкт-Петербургской медико-хирургической академии и в 1907 году основание в Петербурге Психоневрологического института. После революции Владимир Михайлович стал основателем Института по изучению мозга и психической деятельности (ныне Государственный рефлексологический им. В.М.

Бехтерева институт по изучению мозга). Он стал автором семитомного труда «Основы учения о функциях мозга», а также исследований психиатрических, неврологических, физиологических проблем и методов их лечения. А еще он составил микстуру Бехтерева – популярное успокаивающее средство. Его внезапная загадочная смерть в возрасте 71 года сразу после посещения спектакля Большого театра озадачила историков и вызвала к жизни множество пересудов и мифов. Он, дескать, взяв во время антракта с подноса стакан чая в подстаканнике, неосторожно сказал своим спутникам: «Сейчас только осматривал одного сухорукого параноика. Тяжелый случай!». Ну кто не знал имя сухорукого обитателя Кремля? Публично разговаривать о проблемах товарища Сталина было опасно. По легенде той же ночью академик скончался... Неизвестно, так ли это было – уж больно непростые тогда были времена.

ДЕНЬ НЕАНДЕРТАЛЬЦА

Ровно 160 лет назад, а именно 4 февраля 1857 года, в германском городе Бонне на заседании Нижне-рейнского общества естествоиспытателей и врачей был продемонстрирован ископаемый череп древнего предка, как тогда считалось, современного человека – знаменитого неандертальца, найденного годом ранее при раскопках в долине Неандерталь. Поверили не все и далеко не сразу. Но окаменевшие останки неандертальцев позднее были обнаружены еще в 400 местах разных районов мира. Это было существо с крепкой и приземистой фигурой, развитыми руками и ногами, с телом чуть более, чем мы покрытым растительностью, с объемом мозга, как у нас. Только у него был покатый лоб, мощные надбровные дуги и низкая черепная коробка. Короче, это был, конечно, человек, а никакая не обезьяна. Когда же выяснилось, что у неандертальцев существовали не только орудия труда, но и украшения и даже музыкальные инструменты типа дудочек, что они хоронили своих умерших и не были никакими дикарями, то ученые их немедленно записали нам

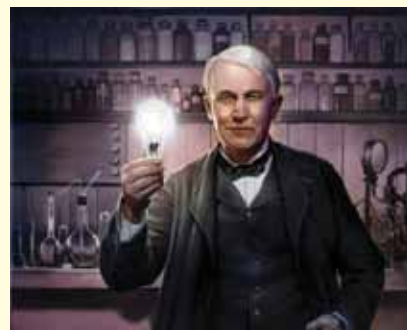
в предки. Но позднее выяснилось, что они, конечно, да – наши родственники, но все-таки параллельная ветвь эволюции. Жили они не в какой-то там глухой древности, а практически одновременно с нашими действительными предками – кроманьонцами. Двоюродные братья, так сказать. А 4 февраля уже 160 лет как стало Днем неандертальца.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ИСТОРИИ С «ХЭППИ-ЭНДОМ»

Великому английскому писателю Чарльзу Диккенсу исполняется 205 лет. Он родился в семье портового чиновника 7 февраля 1812 года. И с самого детства видел жизнь в припортовых районах с их причалами, складами, кабаками, трущобами и ночлежками. И их яркими человеческими типажками матросов, бродяг, проституток, пьяниц, воришек, обитателей чердаков и подвалов. И все они были такими несчастными, угрюмыми, а жизнь их была безрадостной. Это так повлияло на мировоззрение маленького Чарльза, что пройдя длинный путь стенографа, писаря, репортера и став писателем, он оставил нам прекрасные романы, где с необычайной достоверностью описывается быт простых людей. «Приключения Оливера Твиста», «Лавка древностей», «Домби и сын», «Посмертные записки Пиквикского клуба», «Большие надежды»,

«Дэвид Копперфильд» – это настоящая энциклопедия английской жизни Викторианской эпохи. Но любопытно, что практически все произведения Диккенса заканчиваются хорошо. Автор не хочет, чтобы его герои испытывали безнадежность и отчаяние. А юмор, надежда и радость скрадывают им тяготы жизни.

«ЛАМПОЧКА ЭДИСОНА»

Ровно 170 лет назад родился человек, которого считают гордостью американского народа и живым воплощением американского характера – Томас Альва Эдисон. Он вошел в историю, как великий изобретатель. На его счету более тысячи патентов на изобретения в разных областях человеческой деятельности. Начав трудиться в 12 лет разносчиком газет и став в 16 телеграфистом, Эдисон занялся изобретательством в двадцать, и его жизнь пошла «вверх по экспоненте» – от мастерской и лаборатории до целого изобретательского центра. Эдисон, конечно же, не всегда изобретал сам – он был еще феноменальным менеджером. И некоторые великие изобретения, которые он только усовершенствовал, нынче приписываются этому предприимчивому американскому гению – лампу накаливания и телефон Белла. А теперь просто перечислим вкратце его «собственное», или почти «собственное» – на Эдисона работало много толковых людей. Итак: фонограф, разветвленная система освещения, поворотный выключатель, мегафон, электросчетчик, электрогенератор, патрон для лампочки, ламповый цоколь, железнодорожный тормоз, аппарат для записи телефонных разговоров, щелочно-железоникелевые аккумуляторы, своя версия кинокамеры. Впечатляет? Вот так!

Академик Элгуджа Хинтибидзе

КАРТВЕЛОЛОГ Я, КАРТВЕЛОЛОГ...

■ **Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ**

Помнится, лет 30 назад шел на экранах бывшего СССР фильм под названием «Как стать счастливым». Сюжет – без затей. Провинциальный изобретатель придумал чудо-прибор, который может определить в человеке его способности. И оказалось, что это – аппарат счастья. Ведь главное для человека, в концов концов, точно знать – для чего он появился на свет, или, говоря словами Льва Толстого, «какое дело самое важное».

Элгуджа Хинтибидзе, академик Национальной академии наук Грузии, профессор Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили, доктор филологических наук, – человек счастливый. Потому что его призвание стало делом жизни, которому он служит вот уже более 60-ти лет. Служит истово,

страстно – так, как это могут делать только очень молодые и очень увлеченные люди. Да, несмотря на то, что в июне 2017 года мы будем праздновать его 80-летие, он по-прежнему молод и увлечен.

Когда-то (многие помнят этот сюжет) Владимир Маяковский, русский поэт и грузин по духу, рассказывал своим друзьям – грузинским поэтам: «В Чикаго, где я выступал с докладом, какой-то белогвардеец решил надо мной поиздеваться. Зная, что я не владею английским, он произнес речь, направленную против меня, на английском языке. Весь зал напряженно уставился на меня, ожидая, какой я найду выход из неловкого положения. Я поднялся и ответил моему оппоненту на... грузинском языке. Все были поражены. А на галерке, оказывается, сидел

один грузин, эмигрировавший из России еще до революции, и, услышав мою грузинскую речь, не удержался, закричал: – Кацо, вин хар, ан саидан харо? – Человек, кто ты, откуда родом? – Я поднял голову и крикнул в ответ: – Кутатури вар, кутатури! – Кутаисец я, кутаисец!».

Уверена, в схожей ситуации на вопрос «кто ты?» Элгуджа Хинтибидзе немедленно ответил бы: «Картвелолог я, картвелолог!». Потому что он, можно сказать, почетный гражданин и неутомимый пропагандист великого отечества. И имя этому отечеству – наука картвелология. Он придал ей масштаб, разнообразие воплощений и сочетание рационального и эмоционального начал. В его руках она приобрела поистине всемирный резонанс. Судите сами: плодами его вдохновенных трудов стали Центр картвелологии, Школа картвелологии, Международная ассоциация поддержки картвелологии, Фонд Центра картвелологии, научный журнал «Картвелология» и, наконец, самый мощный созданный им проект – Международный симпозиум картвелологии, который недавно прошел в Тбилиси в седьмой раз. Да всех этих проектов хватит на несколько научно-исследовательских институтов! Но их придумал один человек. И держатся они, в первую очередь, на нем.

Наша справка

Э. Хинтибидзе исследует вопросы грузинской средневековой литературы, грузино-византийских литературных связей, руствелологии и источниковедения, в которых совершил ряд впечатляющих открытий. Его работы по исследованию поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» имеют фундаментальное значение. Организатор и руководитель Международных симпозиумов картвелологии. Кавалер международного Ордена Чести (с указанием «За служение картвелологии»), Ордена Чести Грузии, лауреат научной премии им. Ив. Джавахишвили.

Обо всем этом мы и хотели поговорить с батони Элгуджей. Но так совпало, что он уехал в Лондон работать с архивными материалами. И доверил беседу с «Русским клубом» своей помощнице, сотруднице Центра Школы картвелологии Софии Гулиашвили. С ней мы и побеседовали.

– В Грузии вообще и в Тбилисском государственном университете в частности проводится целый ряд международных симпозиумов и конференций. В их числе – проекты картвелологической направленности по вопросам грузинского искусства, музыки, истории, литературы, языкознания. Международный симпозиум картвелологии отличается тем, что объединяет все эти вопросы, проводится, согласно международным стандартам, регулярно один раз в пять лет и его материалы публикуются. Первый такой симпозиум прошел в 1987 году и был посвящен 100-летию со дня рождения выдающегося филолога, академика Акакия Шанидзе, между прочим, ученика Нико Марра, который вместе с Иванэ Джавахишвили заложил основы современной картвелологии. По своему характеру и масштабу – Международный картвелологический симпозиум один из самых значительных проектов в картвелологии. Ему подобных по широте спектра дисциплин в мире нет. Географические границы симпозиума также очень широки, в его работе принимают участие зарубежные и местные ученые, а также грузинские исследователи-эмигранты, предметом научного интереса которых является Грузия.

– Как прошел VII симпозиум?

– В 2016 году мы отмечали два юбилея, очень важных для грузинской культуры – 850-летие Шота Руставели и 140-летие основателя Тбилисского университета Иванэ Джавахишвили. Программа симпозиума была соотнесена с этими датами. Основной рабочей темой стала «Грузия в контексте

европейской цивилизации». В рамках симпозиума работали академические секции «Руставели и руствелология», «Иванэ Джавахишвили и грузинская историография», «Грузинское языкознание», «Грузинская литература средних веков», «Новая и новейшая грузинская литература», «Грузино-зарубежные литературные отношения», «Археология», «Экономические и политические перспективы Грузии», «Фольклор», «Этнология», «История грузинской философии», «Грузинское искусство». В симпозиуме приняли участие ученые Грузии, Австрии, Великобритании, Германии, Израиля, Ирана, Италии, Испании, Польши, России, США, Турции, Украины, Франции, Японии.

– Кто проводит эти симпозиумы?

– Предыдущие симпозиумы проводили Тбилисский государственный университет и Центр картвелологической школы, а вот последний симпозиум – Тбилисский государственный университет, Международная ассоциация поддержки картвелологии и Национальный научный фонд Руставели. Автор идеи, вдохновитель и организатор, конечно, Элгуджа Хинтибидзе. Его миссия важна и велика. Понимаете, за картвелологией необходимо присматривать непосредственно из Грузии. За границей редко кто по-настоящему интересуется картвелологией как таковой, в чистом виде. Интерес, сопровождаемый душевной, духовной силой, должен идти отсюда, а Центр и Фонд картвелологической школы, которыми руководит батони Элгуджа, являются инициаторами очень многих мероприятий, популяризирующих Грузию во всем мире.

– Международная ассоциация поддержки картвелологии, насколько я знаю, создана недавно.

– На предыдущем симпозиуме, в 2011 году, на пленарном заседании прозвучало предложение создать организацию, прямой целью деятельности ко-

На научной конференции.
У микрофона Гастон Буачидзе

торой была бы поддержка картвелологии как в Грузии, так и за ее пределами. Что, собственно, и отражено в названии. Первым свою поддержку ассоциации (в том числе и финансовую) выразил известный немецкий языковед, картвелолог, кавказовед, профессор Йенского университета Фенрих Хайнц. Денежный приз, который был вручен ему вместе со степенью почетного доктора Тбилисского университета, он сразу же передал в фонд ассоциации. Подобной организации никогда не существовало прежде, нет другой такой и сейчас.

– Летняя школа картвелологии уже широко известна и завоевала серьезную репутацию. Но появилась и Зимняя школа.

– У Международной Летней школы – 20-летний стаж. А для грузинских студентов подобных проектов не было, и Зимняя школа стала первым таким проектом. Она предназначена для студентов и учащихся выпускных классов из всех регионов Грузии, и ее цель – заинтересовать их актуальными проблемами картвелологических наук и показать перспективу, мотивацию и значение работы в этой ответственной и в то же время чрезвычайно интересной сфере. В прошлом году 30 избранных участников Школы в течение 10 дней жили в загородной резиденции близ Тбилиси и занимались по интенсивной учебной и культурно-просветительской программе.

– Становится ли Грузия более популярной благодаря

всем этим начинаниям? Расширяется ли круг картвелологов в мире?

– В тот период, когда батони Элгуджа только начинал организовывать симпозиум и Летнюю школу, сам термин «картвелология» звучал несколько непривычно. И порой требовалось объяснять, что он означает. Сейчас география исследований и количество исследователей, в чью сферу интересов входит Грузия, постоянно возрастают и теперь картвелология как понятие применяется очень широко.

– В числе участников VII симпозиума были известные ученые, которые уже становились гостями нашего журнала – Бернар Утье, Луиджи Магаротто... Кто еще из звезд картвелологии приехал в Тбилиси на этот раз?

– Даже не знаю, кого именно назвать. В VII симпозиуме приняло участие около 200 человек (в 2011 году участников было 88). Все участники, можно сказать, равновелики. Но вот что очень важно подчеркнуть: быть картвелологом – это своего рода геройство. Тамара Драгадзе, исследовательница, работающая в Лондоне, не зря повторяет – если ученый живет за рубежом и его специальностью является Грузия, это создает ему довольно большие сложности. Необходимо либо расширять сферу исследований, либо

интересоваться Грузией в дополнение к основному интересу. К примеру, ученый занимается востоковедением и в этом плане – также и Грузией. Если же ученый-иностранец исследует только Грузию, то ему будет трудно обозначить свое место в науке. В общем-то, спрос на такие материалы в научном мире есть, но существовать только этим – тяжело... Однако, несмотря ни на что, появились новые имена совсем молодых ученых. Многие из них, приехав на симпозиум, в Грузию попали впервые. И тот дух радости и добра, атмосфера праздника, которые здесь царят, их, конечно, вдохновляют.

– Какие из докладов обратили на себя самое большое внимание?

– Доклады Тамаза Гамкрелидзе «Грузия – Европа или Азия?», Вахтанга Личели «Граклиани – от захоронений к письменности», прочитанные на пленарном заседании открытия форума и, конечно же, доклад Элгуджи Хинтибидзе, представленный на заключительном пленарном заседании, – «Витязь в тигровой шкуре» как один из литературных источников Шекспира».

– Неужели он сделал еще одно открытие, связанное с «Витязем»?

– Связь Шекспира и Руставели, наличие которой батони Элгуджа поначалу лишь пред-

полагал, теперь является доказанной – к предположениям добавились серьезные аргументы. Самое важное, чему можно доверять в данном случае – сами тексты. Исследователь доказал, что в развитии европейской литературной мысли обнаруживаются не только качественные параллели с мировоззрением Руставели (трубадуры, Данте, Петрарка), но, более того, след «Витязя» очевидно прослеживается в высших художественных проявлениях в Европе. Согласно открытию Хинтибидзе, переработанный сюжет «Витязя» был использован в популярных пьесах английского Королевского театра – «Цимбелин» Уильяма Шекспира, «Филастер, или Окровавленная любовь» и «Король и не король» Френсиса Бомонта и Джона Флетчера. Элгуджа Хинтибидзе, кроме того, выявил и тот вероятный путь, по которому великое творчество Руставели могло бы дойти до высоких интеллектуальных кругов Англии эпохи Шекспира. Готовится к изданию монография, в которой будут собраны его исследования за последние 10 лет. Будет издан грузинский вариант, затем планируется издание на английском языке, в котором батони Элгуджа собирается опубликовать новые материалы. За ними он и отправился в Лондон, где будет работать в библиотеках, архивах... К тому же Королевское общество Великобритании пригласило его прочесть лекцию по результатам исследований. Это очень важное событие – батони Элгуджа не впервые выступит перед английской общественностью, но так аргументированно, с таких сильных позиций – впервые.

– Вы были его студенткой. Расскажите о нем как о педагоге.

– У него есть характерная манера. На лекциях он ставит перед студентами какую-нибудь фундаментальную задачу, а затем начинает рассказ, похожий на детектив. Создается впечатление, что он сию минуту, на наших глазах, начинает об этом

Элгуджа Хинтибидзе со студентами

рассуждать, и ты следуешь за ним в его рассуждениях. В итоге, приходя к ответу, чувствуешь, что вместе с ним совершил научное открытие. Что же касается руствелологии, то, помимо особой манеры рассказывать, на нас производила огромное впечатление его страстная любовь к Руставели. Конечно, многие любят творчество Руставели, но у батони Элгуджи привязанность к «Витязю» особенно сильна. Когда он рассказывает о Руставели, то его эмоциональное, вдохновенное отношение поневоле заражает всех. До сих пор помню, как загорались его глаза, когда он цитировал строфу или отрывок из «Витязя»! Иногда у него и слезы наворачивались – слезы восторга... Казалось, что он открыл для себя эти строки, пленился ими именно сейчас, когда читал их своим студентам... В результате, конечно, я стала картвелологом. Вот уже 15 лет я помогаю батони Элгудже. Поначалу работала в Летней школе, а сейчас участвую во всех его проектах.

– Элгуджа Георгиевич поражает своей энергичностью. Помню, нам довелось принять участие в Днях Ильи Чавчавадзе в Санкт-Петербурге, которые организовал Союз «Русский клуб». В день вылета в Тбилиси случился форсмажор – автобус с участниками попал в пробку, и стало ясно: на самолет опаздываем. Мы прибыли к аэропорту за несколько минут до вылета. Подъехать к входу не было возможности – нам пришлось идти через площадку, покрытую сугробами. Взмокшие, запыхавшиеся, мы еле вошли в здание, нашли свою регистрационную стойку и... Там стояли невозмутимые, уже прошедшие регистрацию и сдавшие багаж Элгуджа Хинтибидзе и Роин Метревели.

– Не удивлена! Каждый год, в последний день Летней школы, мы поднимаемся к храму Самеба на Гергети. Пешком. На высоту более 2 тысяч метров. Это традиция. Батони Элгуджа

всегда поднимается вместе с нами. И каждый раз, когда все мы еле-еле добираемся до вершины (а это действительно нелегкий путь), он уже стоит там и встречает всех остальных.

– Каковы ваши планы на будущее?

– О, их так много! Подбираем материалы для очередного номера журнала «Картвелология». Ведем подготовку к Зимней и Летней школам, готовим к изданию следующий, 26-й номер двуязычного научного международного журнала «Картвелолог», создаем его электронный вариант для вебсайта журнала. На закрытии VII симпозиума батони Элгуджа озвучил намерение провести восьмой симпозиум за пределами Грузии, конкретно – в Левиле. Сейчас это кажется мечтой, но в свое время те проекты, свидетелем воплощения которых стала и я, казались для многих мечтой.

Наша справка.

В марте 1921 года грузинское правительство под руководством Ноэ Жордания поселилось в Париже. А вскоре им была приобретена усадьба, которая должна была стать убежищем для грузинских политических беженцев, а после освобождения Грузии остаться ее собственностью. Согласно завещанию комиссии правительства Грузинской демократической республики, усадьба, купленная на средства республики, принадлежит ей: пять гектаров земли, жилой дом, хозяйственные постройки, мебель, инвентарь. Переговоры об официальной передаче поместья Левиль Грузии начались в 1991 году. В 2004 году Совет попечителей Левиль (потомки членов правительства) принял решение передать поместье в собственность Грузии. Недавно акт передачи Левиль был подписан с наследниками пяти семей – членов тогдашнего правительства Грузии: Жордания, Пирцхалава, Рамишвили, Чхенкели и Гегечкори. После официальной передачи поместья правительство Грузии планирует

создать в Левиле Центр грузинской культуры и научно-просветительской деятельности.

– Международный симпозиум картвелологии проводится каждые пять лет. Несмотря ни на что. Вообще батони Элгуджа никогда не прерывает никакие проекты ни под каким предлогом – они обязательно реализуются. Какой ресурс есть, такой и используем. Например, в августе 2008 года Летняя школа работала в обычном режиме – люди приехали к нам учиться, и мы не имели права не выполнить свои обязательства. Многие это удивляло. Но только так и должно было поступать. Наша школа формирует будущих картвелологов. Поначалу они приезжают просто увидеть Грузию, познакомиться. Но после – ездят для того, чтобы что-то сделать для Грузии. И это самое большое достижение Элгуджи Хинтибидзе.

Поэт Дмитрий Певцов

ТБИЛИССКИЕ КАНИКУЛЫ ДМИТРИЯ ПЕВЦОВА

■ **Нина ШАДУРИ**

У каждого сценического действия всегда две публики. Одна сидит в зрительном зале, другая располагается за кулисами. Закулисный зритель – самый что ни на есть особый. Люди театра видали виды. Их на мякине не проведешь. У них свои критерии – тут ценят не только талант, но и человеческие качества. И если представить себе 10-балльную шкалу оценки, то Дмитрий Певцов получил у грибоедовцев все 20! Он покорила фантастической работоспособностью (репетировал три дня подряд по пять часов без перерыва!), исключительным профессионализмом, безупречной корректностью. Ну, а об обаянии и говорить нечего – оно, как говорится, налицо.

Певцов приехал в Тбилиси не только (или даже не столько) для того, чтобы дать концерт. Поездка, вдохновителем которой стала Вера Таривердиева, а реализатором – Союз «Русский клуб», преследовала, можно сказать, личную для Дмитрия цель. Он хотел сделать подарок своей маме – привезти ее на родину. Дело в том, что родители Дмитрия родились и всю молодость провели в Тбилиси. Мама арти-

ста, Ноэми Семеновна Роберт, спортивный врач, кандидат медицинских наук, первый президент Национальной федерации лечебной верховой езды и инвалидного спорта России. Папа, Анатолий Иванович Певцов, заслуженный тренер СССР, мастер спорта СССР, чемпион СССР по современному пятиборью в командном первенстве, окончил Тбилисский институт физической культуры, выступал за спортивное общество «Динамо» Тбилиси. Старший брат Дмитрия Сергей появился на свет в Боржоми. Потом семья переехала в Москву, и у Певцовых родился первый москвич – Дмитрий.

Он называет себя «с детства влюбленным в Тбилиси», но как-то так сложилось, что в Грузии он бывал редко. Последний раз – в середине 80-х годов прошлого века. Тогда беззаботная компания студентов ГИТИСа путешествовала автостопом по маршруту Сухуми-Тбилиси-Одесса... В их числе был и третьекурсни Дима Певцов.

И вот ведущий актер московского театра «Ленком», певец, педагог, народный артист России Дмитрий Певцов в Большом

зале Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова триумфально представил творческую встречу-концерт, которую назвал «Назад в Тбилиси. Через 30 лет».

– **Правильно ли вы выбрали профессию?**

– Да. Сомнений нет.

– **Что на свете самое интересное?**

– То, из чего состоит мир, – любовь.

– **А что самое скучное?**

– Уныние.

– **Три года назад вы объявили, что вам «неожиданно 50». А на сколько лет вы себя сейчас ощущаете?**

– Иногда на 25, иногда на 60.

– **Есть ли главный человек в вашей жизни?**

– Конечно. Моя жена.

– **Важно ли для человека осознавать свою национальность?**

– Мне кажется, нужно осоз-

навать себя гражданином, любящим родину. А национальность не имеет значения.

– Насколько вы контролируете то, что происходит в вашей жизни?

– Контроль иногда для меня очень важен, и я начинаю раздражаться, когда его теряю. Но понимание того, что все – в руках Господа, меня сдерживает и помогает без фанатизма относиться к этому контролю.

– Какой совет вы бы дали 16-летнему Диме Певцову?

– (После долгой паузы). Хороший вопрос... Не считать себя центром вселенной. Хотя бы попытаться не считать себя таковым.

– Когда мужчина начинать чувствовать себя мужчиной?

– Это совершенно индивидуально. Если вы спрашиваете о понимании ответственности...

– Именно так.

– По-настоящему это ощущение пришло после ухода старшего сына. Вообще мир для меня очень изменился.

– Я не хотела говорить с вами на эту тему.

– Ничего страшного. Это такое дело... Все проходит. В результате – жизненный опыт.

– На концерте, предваряя песню памяти сына, вы сказали – смерти нет, у бога все живы.

– Не я придумал, это из Писания.

– Знаю, но иногда именно ясная мудрая фраза, сказанная когда надо, и помогает в конце концов.

– Да, но к ней нужно прийти. Это не просто. Но иначе очень сложно жить и невозможно смиряться с потерями. А смиряться нужно. Бог дал, бог взял.

– Только такое понимание и может помочь справиться с бедой?

– Воцерковленный православный человек прекрасно понимает, что смерть физическая – не финал. Есть замечательная фраза, что человек рождается

трижды: когда Господь вдыхает душу в новорожденного, когда он получает ангела-хранителя при крещении и когда отдает богу душу. Надо пытаться так к этому и относиться – по-православному, по-христиански. Конечно, сложно, ведь когда мы оплакиваем наши потери, мы плачем не только о том, что человек ушел. Мы оплакиваем и наше личное горе – у нас отнято то, к чему мы были привязаны, считали своим. А это неправильно. Конечно, лучше, чтобы дети хоронили родителей, но если случается наоборот... В спектакле «Откровения» я довольно много об этом говорю. Уход из жизни старшего сына перевернул мою жизнь. Очень горжусь, что я его отец. Каким он был на самом деле, я узнал только после. За 22 года он, мне казалось, ничего и не успел. А на самом деле Даня оставил столько любви и добра и столько спас – физически, морально, по-человечески... После его ухода, так получилось, я оказался совершенно без почвы под ногами. Прежде я был таким мажором, у которого все получалось, моя жизнь текла абсолютно беззаботно, в радости, счастье, получении желаемого всегда и в любых количествах. Успех, уважение коллег – все было. Дай бог каждому пожелать... Но не стало Дани, и оказалось, что все блеф, все не нужно. Я потерял смысл. Просто потерял смысл жизни. И хотя меня жена поддерживала, и физически со здоровьем все было нормально, но душевно я начал умирать. Автоматически продолжал жить и выполнять все, что должен был делать, но понимал, что все бессмысленно. И в это время мне попала книга «Несвятые святые» архимандрита (сейчас уже епископа) Тихона. Она полностью перевернула мое сознание. Господь так сподобил, что я попал в Сретенский монастырь и познакомился с архимандритом. Он дал мне духовника, через какое-то время я попал на первую настоящую исповедь, на причастие. И я задышал. А через полтора года смог засмеяться... Через смерть сына я пришел к Господу. Это постоянный труд. Нужно все время себя принуждать.

Встреча в аэропорту

Благотворительная акция в детском доме

На сцене Грибоедовского театра

– Но ведь вера должна быть радостной...

– Да! Абсолютно радостной, конечно. Для меня и моей семьи посещать храм – потребность. Если я не попадаю в храм больше недели, начинаю мучаться. Мне становится физически плохо. Ощущаю грязь, от которой нужно очиститься. А это может происходить только в храме. Больше нигде. Ничего другого не спасает.

– А вообще, в чем предназначение веры? Она утешает, дисциплинирует, мотивирует или как?

– Прежде всего вера дает смысл. Когда понимаешь – для чего, когда знаешь – зачем, то не имеет значения – как. Долго я жил с мыслью о том, как мне повезло, какая у меня интересная профессия, яркая жизнь. Другие люди, думал я, живут скучной, неинтересной муравьиной жизнью. Как они живут-то? Это же ужасная жизнь – у дворников всяких или у служащих. А сейчас я знаю: если в душе радость, если понимаешь, ради чего жить, то профессия значения

не имеет. Как и возраст, и социальное положение. Если есть радость, можно заниматься чем угодно, жить и получать от жизни удовольствие.

– Ален Делон признается, что всем в своей жизни обязан женщинам. А какую роль сыграли женщины в вашей судьбе?

– В моей жизни только две женщины – мама и жена. Я однолюб. И несмотря на то, что до женитьбы у меня было огромное количество всяких романов, я никогда ни за кем не ухаживал, кроме жены. Все было наоборот до появления Ольги в моей жизни.

– Это правда? Вы ни за кем не ухаживали?

– Правда. Потому что я никогда никого не любил. Появилась Ольга, и мама передала меня из своих рук в руки Ольги. Честно говоря, я прекрасно отдаю себе отчет, что если бы мы с ней 26 лет назад не встретились, то неизвестно, чем бы я занимался и кем бы стал. У меня большие сомнения, что я стал бы тем, кем

являюсь сейчас, если бы не Ольга.

– Да, большое счастье – услышать от мужа такие слова!

– Но это же исторический факт. И это не значит, что со мной легко и я ангел. Просто я понимаю – мне очень сильно повезло. И не понимаю, за что.

– Не знаю, как там насчет ангела, а вот то, что после отъезда вы останетесь в памяти грибоедовцев как один из самых замечательных гастролеров – тоже исторический факт. Вы поразили тем, как репетируете, работаете, общаетесь с людьми. Вы всегда были таким или таким стали?

– Мы все меняемся. Мне сложно судить, какой я, когда таким стал. Не сказал бы, что был безупречен. На репетиции сорвался. Я вообще подвержен раздражительности. Честно могу сказать, что было довольно сложно, ведь я никогда не занимался такой работой, какой занимался в Тбилиси – репетициями с музыкантами. Для этого у меня всегда был специально

Тепло принимала тбилисская публика каждую песню Д. Певцова

обученный человек. Мне было не очень комфортно, потому что, естественно, все звучало по-другому. Было сложно спокойно воспринимать новое звучание после того качества, к которому я привык с моими музыкантами. Но оно-то было отработано годами! И я прекрасно понимал, насколько тяжело ребятам, которые должны выйти со мной на сцену. Да что там говорить, у них просто не было времени для того, чтобы овладеть материалом. Но они это сделали! Я считаю, что ваши музыканты совершили подвиг – в такие короткие сроки все разучить, причем на слух, без нот. Они герои, я им безумно благодарен.

– А вообще тема Тбилиси в вашей семье звучит?

– Всегда. Все время звонят родственники. Кстати, смешная деталь: когда кто-то звонит из Тбилиси, мама вдруг начинает говорить по-русски с грузинским акцентом. Очень забавно, как она мгновенно переключается и становится тбилисским человеком. И, конечно, у нее очень сильна ностальгия по Тбилиси. Ну, а как иначе? Вся молодость прошла здесь. Пересматриваю иногда их фотографии тех лет –

какие красавцы! Тбилиси все время возникает в воспоминаниях. Да и стол в нашем доме – исключительно грузинский. Сейчас мама почти не готовит, а раньше всегда на столе были только грузинские блюда – пхали, сациви...

– В каком настроении мама пребывала в Тбилиси?

– Это было сплошное счастье! Встречалась, общалась, бесконечно звонил телефон... Мама здесь летала. А главное, наши близкие увидели меня – я очень похож на папу, а здесь его все помнят молодым...

– Свой вечер вы назвали «Назад в Тбилиси». Как вам кажется, надо ли возвращаться в прошлое? Есть точка зрения, что к прошлому надо обращаться как можно реже, иначе наступит момент, когда оно начнет перевешивать настоящее.

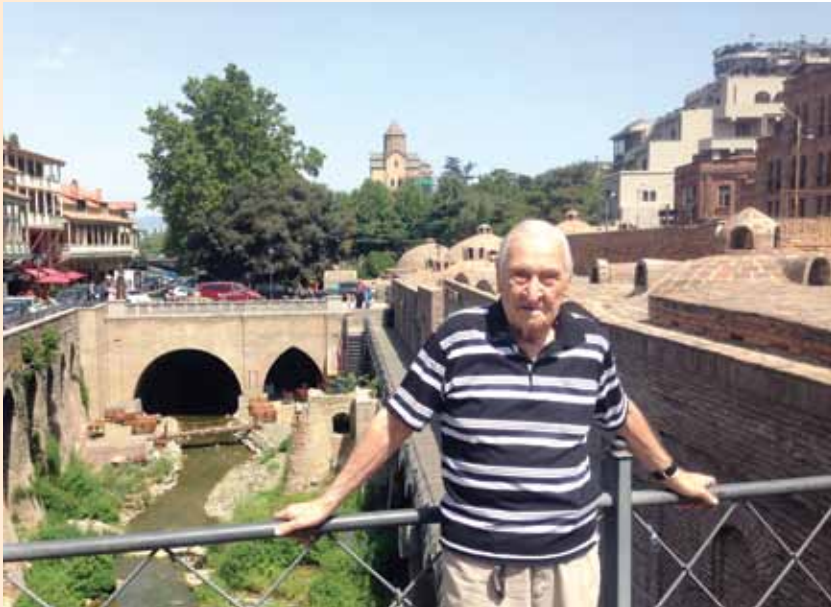
– Нет, если человек психически нормален, ничего не будет перевешивать. У меня в пьесе «Лунин» есть слова: «Как вы отличите дневную реальность от сновидений!»... Прошлое – твоя личная история. Это важно. Так же, как важна

история государства, народа, цивилизации. Об этом надо знать. Желательно – как можно больше. Потому что есть уроки, которые оттуда можно вынести, и не повторять ошибок. Память – избирательна. Очень много мы не помним. Или помним не так, как происходило. К прошлому надо возвращаться, ничего тут страшного нет. Есть вещи, которые надо вернуть для того, чтобы попросить прощения. Хотя бы здесь, сейчас, перед самим собой – за то, что было сделано в прошлом.

– Что дала вам эта поездка?

– Прежде всего – несколько дней непрерывного общения с семьей. В Москве такое практически невозможно, и это самая главная радость. И, конечно же, мне очень приятно, что то, к чему я стремился на выступлении, получилось – по эмоциональной отдаче, по количеству любви, которая витала в зрительном зале. Я этого ждал, очень хотел, мне было очень важно, чтобы было именно так. Мне кажется, получилось.

– Вам не кажется. Получилось.

Академик Автандил Квезерели-Копадзе

АЗАРТНЫЙ АКАДЕМИК

■ Ирина МАСТИЦКАЯ

Детская жизнь – это то, за что 70 лет самоотверженно бьется потомственный педиатр, академик трех медицинских академий Автандил Квезерели-Копадзе.

Никто сегодня в Грузии не знает о детском здоровье больше, чем он. Профессиональный стаж плюс генетическая память. Сто лет грузинской педиатрии как на ладони у статного, седовласого, аристократической внешности мужчины – кавалера Ордена Чести и Президентского ордена Сияние. Теперь только он помнит во всех подробностях, как в разные годы боролись и побеждали высокую детскую смертность, какие допускали ошибки. С высоты своих 92 лет он может экстраполировать уникальный опыт на следующие сто лет и предупредить о возможных рисках.

Автандил Квезерели-Копадзе родился в старинной тбилисской семье, уходящей корнями в три столетия. Отец – Николай Квезерели-Копадзе был известным инженером-строителем, автором монографий о мостах Грузии, мама – Евгения Леонтьева – ординатором 1-ой кли-

нической детской больницы, а впоследствии кавалером ордена Ленина – высшей советской награды. Крестной была известная Мария Угрелидзе – основательница педиатрической школы Грузии. В день рождения мамы в старинном авлабарском доме собиралось за большим столом все педиатрическое отделение больницы Арамянца. В самом доме с незапамятных времен был открыт кабинет, в котором мама вела прием больных детей. Вот из такой медицинской среды вышел будущий академик. Он был младшим четвертым ребенком в семье, избалованным двумя старшими сестрами и старшим братом.

А еще были уникальные дедушки – грузинский и русский! Иван Квезерели-Копадзе – меценат и промышленник, купец второй гильдии, партнер в производстве вин и коньяков Давида Сараджишвили. На средства деда была построена 4-я тбилисская школа (Кобахидзевская), которую окончил Автандил Николаевич. Второго деда Федора Леонтьева он знал только по рассказам мате-

ри. Тот был царским генералом, воевал против большевиков в армии генерала Платова. Вместе с остатками своего корпуса отплыл сначала в Африку, а оттуда в Болгарию. И больше не вернулся на родину.

С таким историческим наследием выжить семье в годы репрессий было почти невозможно. Одним из самых тяжелых детских воспоминаний был ночной арест отца и лица мамы, сложившей чемоданчик и приготовившейся к аресту. К счастью, у всех чекистов были дети, и они болели. Для благополучия своих детей они сохранили жизнь не только врачу, но и ее супругу. Отец вернулся из лагерей живым.

Но никакие годы репрессий не могли помешать веселому детству и юности Автандила в огромном семейном доме в окружении родных, двоюродных, троюродных братьев и сестер, где все мальчики круглый год должны были спать на открытой веранде, и всегда было шумно и интересно.

Автандил (для всех близких Куцо) хорошо учился, но врачами рождаются. Этот ген у человека либо есть, либо его нет. Поэтому мама только двоим из четверых детей посоветовала идти в педиатры – Нине и Автандилу. Нина Квезерели-Копадзе стала известным микропедиатром, специалистом по детскому питанию.

Отдавая дань уважения матери, Куцо в 1949 году окончил лечебный факультет Тбилисского медицинского института. Но сам он в те годы больше хотел быть баскетболистом, чем врачом!

Получив распределение в одну из деревень Рязанской области, он ради любопытства поехал туда, посмотрел на единственного медицинского сотрудника – санитаря с бородой до пояса, на домишко, в котором надо было жить и принимать больных, развернулся и уехал в Тбилиси. Играл в баскетбол за сборную Грузии, беззаботно проводил время и

ездил в Сухуми к своей невесте, которая уже работала там по распределению. В послевоенные годы такой самовольный отказ от работы по распределению мог очень плохо закончиться для будущего врача. Но баскетбольная популярность и известность матери спасли: он был заново распределен в санэпидстанцию Сухуми за неимением вакансий в лечебных заведениях. Там, по его собственным комментариям, он некоторое время «заведовал всеми туалетами и мусорными ящиками Абхазии».

Летом, когда врачи поликлиники ушли в отпуск, молодого врача оставили на месяц их замещать. Он и сегодня помнит имя и фамилию ребенка, которому поставил первый в своей жизни самостоятельный диагноз – правостороннее воспаление легких. Помнит, как бросился с этой новостью к главврачу поликлиники, но тот, к его удивлению, не выразил никаких эмоций и потребовал отправить пациента в больницу.

С тех пор Автандил Николаевич поставил диагноз почти одному миллиону детей! Но медицинский азарт возник именно тогда! Когда в Сухумском детском доме от больной кормилицы 19 детей заразились сифилисом, и был уволен весь медицинский персонал, его, наконец, назначили заведующим медицинским кабинетом. Тут уж он проявил все свои знания и спортивные качества. Открыл стационар в самом детском доме и выхаживал детей днем и ночью. Если же уходил домой, то обязательно в середине ночи приходил в детский дом, залезал в окно второго этажа и проверял, как ночные няни смотрят за больными детьми. Безжалостно увольнял, если ребенок оказывался без присмотра. Вместе со своим другом-физиком сконструировал прибор, состоявший из двух пластин, соединенных с электрической лампочкой. Пластины подкладывали под пеленки больного малыша, и как только они на-

мокали, цепь замыкалась и зажигалась лампочка.

В тот период смертность детей в детских домах была очень высокой. Когда оказалось, что после прихода молодого врача за год не умер ни один ребенок, из Минздрава прислали комиссию с подозрением на фальсификацию отчетных данных. Хорошие показатели подтвердились, и министр здравоохранения СССР прислал Автандилу Квезерели-Копадзе именные часы. А еще через некоторое время ему предложили поступить в ординатуру клиники Московского института педиатрии. К этому времени молодой врач уже был счастливо женат на докторе Елене Манджгаладзе и имел дочь Марину.

В Москву уехал один. Красивая молодая жена и дочь остались в Сухуми. Он так торопился к ним обратно, с таким остервенением работал, что впервые за историю ординатуры диссертационная работа была завершена за четыре года учебы. Из ординатуры Автандил Николаевич вернулся главным педиатром Абхазии и зав. отделом детской больницы.

В конце 50-х годов детская смертность в Грузии, особенно в высокогорных районах, была очень высокой – до 63 смертей

на каждую тысячу детей. Автандил Николаевич вместе со своим другом Ираклием Цицишвили, будущим профессором, постоянно выезжали к больным детям в разные регионы. Однажды по срочному вызову приехали в Гудауту, но опоздали. Одного ребенка похоронили накануне, в доме стоял гроб со вторым погибшим ребенком. У гроба сидели и курили трубки старцы, осуществлялся местный обряд: вокруг водили козла с красными лентами на рогах, а у стены на тахте умирал третий ребенок от кори, осложненной воспалением легких. Только с помощью секретаря райкома удалось вырвать у родственников ребенка и доставить в больницу. Он остался жив!

Авторитет молодого врача был настолько высок, что он присутствовал на совещании министра здравоохранения СССР и партийного руководителя Грузии Василия Мжаванадзе, на котором было принято решение о создании Института педиатрии. Предложил его создать заведующий кафедрой педиатрии Антон Сичинава. На второй день был подписан указ. А через несколько месяцев детская смертность уменьшилась в три раза.

В 1960 году инсульт прико-

С правнуками

На приеме у Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II

вал к постели маму Автандила Николаевича. И он вместе с женой и уже двумя дочерьми возвращается в Тбилиси, чтобы долгих шесть лет ухаживать за больной.

В Тбилиси Автандил Николаевич начинает работать в Институте педиатрии заместителем директора по научной работе и медицинским куратором Абхазии. С Абхазией связаны, пожалуй, лучшие моменты его семейной и профессиональной жизни – становление, первые победы, успехи в карьере. Но и сухумчане с благодарностью вспоминают годы его работы.

С самого начала своей обширной педиатрической деятельности будущий академик имел и узкую специализацию – гематологию. Именно в этой области проводились научные исследования в его кандидатской и докторской диссертациях. Он объясняет это тем, что педиатрия очень сложная отрасль медицины. Все болезни, особенно в раннем возрасте, протекают стремительно. Необходимо очень быстро ставить диагноз. Исследования периферической крови позволяют это делать вовремя.

Для своей докторской диссертации Автандил Николаевич изучил периферическую кровь 1800 детей из разных регионов Грузии. И тут открылись удивительные явления! Оказалось, что на уровне нормальных показателей есть количественные и качественные отклонения в показателях крови для людей из разных регионов Грузии!

Вот он голос крови, видимый в микроскоп! Симфония крови! Ей он посвятил 160 научных

трудов и 5 монографий. Человеку, принадлежащему к такому древнему роду, положено слышать голос крови!

Неудивительно, что именно он с момента создания в 1966 году и по сей день возглавляет гематологическое отделение детской больницы. За эти годы в клинике было сделано множество научных открытий, в том числе революционных. Так, например, было установлено, что вскармливание детей до года коровьим молоком вызывает желудочное кровотечение. Каждый грудной младенец теряет три грамма крови ежедневно. После года жизни этот процесс прекращается. Иммуно-биологические причины и механизмы этого явления пока до конца не ясны. Новые знания потребовали полного пересмотра методов вскармливания младенцев. Этому была посвящена новая книга профессора Квезерели-Копадзе.

Сегодня в Грузии много новых больниц. Только родильных домов 93. Некоторые родильные дома имеют уже собственное реанимационное отделение. Больницы укомплектованы аппаратурой последнего поколения. Нет проблем с медицинскими препаратами. Создана и работает система медицинского страхования. Стали ли современные дети здоровее? Какие главные риски ждут нас и наших детей в будущем?

Что сегодня беспокоит академика Автандила Квезерели-Копадзе:

– Дети не стали здоровее! Детская смертность сегодня наименьшая за все предыдущие

годы. Но это все же 12 смертей на тысячу детей до пяти лет! В европейских странах эта цифра порядка шести, в Японии – один – два. Мы должны стремиться к этим показателям. Для этого необходимо в первую очередь заботиться о здоровье матери. Агрессивная социальная среда, неправильное питание, вредные привычки, психологический климат – все обязательно скажется на здоровье ребенка.

– Два года назад на конгрессе гинекологов как президент педиатрической ассоциации Грузии я ставил вопрос о введении в роддомах штатной должности перинатолога-педиатра, наблюдающего за внутриутробным развитием ребенка. Иногда минуты играют роль! Абсолютно здоровым ребенок не рождается. Какие-то отклонения всегда существуют. Задача перинатолога предупредить педиатров об ожидаемых проблемах, чтобы избежать последствий.

– Престижность профессии врача падает. Это очень плохо! Если раньше в медицинский институт шли самые подготовленные молодые люди, то сегодня это не так. Причина в том, что врачу,

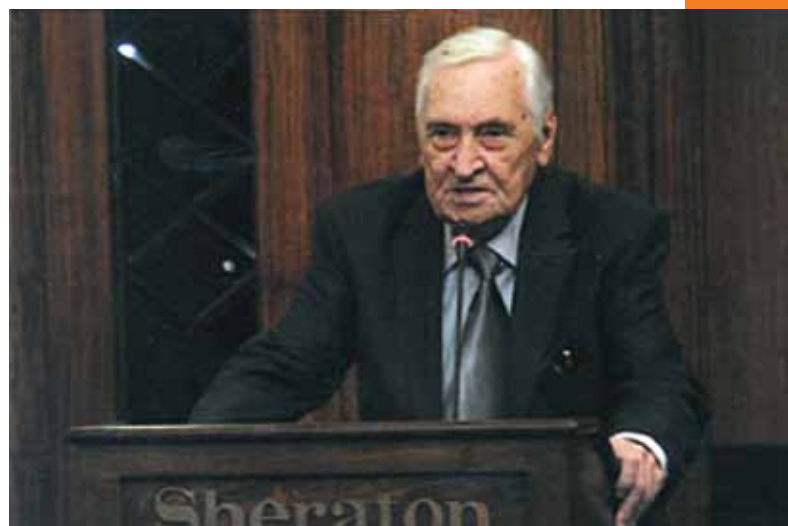
чтобы получить диплом, приходится учиться 12 лет. Мало кто может себе это позволить без финансовой помощи семьи. На выходе имеем плохо подготовленных специалистов.

Благодаря новым компьютерным методам исследования поток медицинской информации нарастает. Исследование нового информационного потока требует особой гибкости профессионального мышления. Этому надо учиться!

– Необходим хороший менеджмент медицинских учреждений, который кроме текущих задач будет решать вопросы переподготовки специалистов и пиара профессии.

Таковы главные рекомендации педиатрам XXI века.

Доктор Автандил Квезерели-Копадзе – удивительный человек. В свои 92 года он лихо въезжает на новеньком серебристом мерседесе в воро-

та 200-летнего семейного дома. Дома, который сохранен его усилиями – со старинной росписью парадного подъезда, с воссозданными интерьерами и садом во дворе. И конечно же, с медицинским кабинетом на первом этаже, в который уже почти сто лет приводят больных детей. А какой он мастер на все руки! С какой легкостью может подняться по стремянке на крышу, чтобы проверить работу мастеров-кровельщиков. Как он входит в сад и осматривает каждое дерево, как своего пациента. Как любит всевозможные новшества! Как каждый год уезжает с друзьями на море в Шекветили и приезжает оттуда загоревшим, наплававшимся всласть с массой новых впечатлений. А какой он спортивный болельщик, как переживает за любимые команды! С каким азартом играет в нарды и...порой жульничает.

Мне повезло вырастить своих дочерей в одном доме с Автандилом Николаевичем – в соседней квартире. Я помню свой страх, панику, жалость, смятение, когда заболел ребенок. Но открывалась дверь, входил абсолютно спокойный профессор, садился около ребенка – и я могла жить дальше!

Прошло много лет. Наблюдая за этим человеком, нельзя не восхищаться его беспредельной преданностью своей большой семье – жене, дочерям, внукам, девяти правнукам. Сегодня прекрасно состоявшиеся дети и внуки живут отдельно, но стоит ему заболеть и все как один, бросив свои дела, оказываются рядом.

Я благодарна Автандилу Николаевичу не только за здоровье своих детей, но и за обаяние ума, за поддержку во многих серьезных жизненных ситуациях. И за то, что каждый день он учит нас любить жизнь и не бояться старости. Его пример убеждает, что старость может быть не только мудрой, но очень активной, насыщенной и интересной! Чему еще он научит нас завтра?

На открытии выставки

«MADE IN ITALY». 60 ЛЕТ ТРИУМФА

■ **Медея АМИРХАНОВА**

Любимая леопардовая шубка Софи Лорен и платье Жаклин Биссет из «Дикой орхидеи». Змеиное платье-вамп Наоми Кэмпбелл, о котором мечтали все стройные девушки и кокетливая пижамка Клаудии Кардинале из фильма «Розовая пантера»... Наступает момент, когда к истории можно прикоснуться. Есть для этого повод. Итальянской моде – 60 лет. Ассоциация «StilPromItalia» совместно с Фиореллой Гальгано и Алесией Тота подготовила экспозицию, посвященную выдающимся фигурам моды и дизайна, тем, кто прославил итальянский стиль во всем мире. Экспонаты – из запасников итальянских Домов моды и из частных коллекций. Часть их давно вошла в энциклопедию моды.

Это великолепие тбилисцы могли видеть воочию – два месяца длилась выставка в музее современного искусства Зураба Церетели (МОМА). Оставив верхнюю одежду в раздевалке, и выпрямив осанку,ходишь в зал. Высокая мода окрыляет – хочется пройти походкой модели. По крайней мере, пока не видит охрана. Несмотря на то, что наряды теперь не на манекенщицах, а на манекенах, фотовспышки продолжают. Эти платья, костюмы пропитаны успехом, триумфом, дотронешься до них – зарядишься на удачу.

Протектором итальянской моды считают маркиза Джованни Батиста Джорджини. Он занимался антиквариатом, предметами искусства (в

основном, мебелью), работал на первом этаже дворца Бартолини Салимбени. Но и мода интересовала маркиза не меньше. После войны он начал сотрудничать с одним из американских универмагов – поставлял одежду от итальянских модельеров. Первый повоз в Штаты флорентийские соломенные шляпы.

Послевоенная Италия как мед манила к себе туристов, особенно Тоскана с ее культурным центром Флоренцией. На роскошных флорентийских виллах устраивались вечера, собрания, приемы. Среди приглашенных – почетные гости города, представители элиты – кинозвезды, прославленные деятели искусства, политики и магнаты.

Одевались знатные дамы у известных портних, принадлежавших к высшему свету Милана и Рима. Эльвира Леонарди (или Бики, как ее называли в мире моды) шила для оперной дивы Марии Каллас. Прозвище Бики ей придумал экспромтом композитор Джакомо Пуччини. «Viki» от слова «birichina», что переводится, как шалунья. К дизайнеру Симонетте Висконти (дочь герцога Колонны и знатной русской дамы), своей близкой подруге маркиз Джованни Батиста Джорджини водил жен богатых клиентов.

Маркиз, будучи хорошим менеджером, решил воспользоваться приятельством со звездами мира моды и, собрав воедино блистательные имена, попробовать выйти на международный

уровень. Заявить миру об «итальянском стиле».

12 февраля 1951 года на его вилле Торриджани состоялось первое дефиле. Свои модели представили избранные ателье: Кароза (принцесса Джованна Караччоло), Фабиани, Симонетта Висконти, Эмилио Шуберт, сестры Фонтана, Джермана Маручелли, Эмилио Пуччи, Венециани, Ванна, Новераско. Показы продолжались три дня и имели головокружительный успех. Решили устраивать их раз в полгода. На показы приезжали оптовые покупатели из Америки. Столице женской моды того времени – Парижу пришлось потесниться.

Современная итальянская мода держится на трех китах: вкус, элегантность, качество. Индустрия моды растет и расширяется. 10 лучших модных домов имеют оборот объемом 23 миллиарда евро.

На выставке в музее MOMA экспонировали изделия высокой моды для женщин и мужчин, одежду прет-а-порте. Некоторые модели символизируют конкретный исторический период. Так, например, костюм, созданный сестрами Фонтана для актрисы Авы Гарднер (фильм «Босоногая графиня», 1954 г.) – платье-анафора и шляпа. Позд-

Посол Италии в Грузии Антонио Энрико Бартоли и министр культуры и охраны памятников Грузии Михаил Гиоргадзе

нее это платье в несколько измененном виде появится в картине Федерико Феллини «Сладкая жизнь». Это конец 50-х годов, пик расцвета Италии. Смокинг от Литрико, сшитый в 1963 году для президента Джона Фитцджеральда Кеннеди.

Творчество Ирен Голицыной, княжны, уроженки Тифлиса (1918 год), в чьих жилах текла и грузинская кровь, было представлено двумя экспонатами – розовым нежнейшим свадебным платьем и «пажамо-палаццо», в которой снималась Клаудия Кардинале. «Дворцовыми пижамами» нарекла эти брючные костюмы главный редактор американского «VOGUE» Диана Вриланд. После коллекции «пижам-палаццо» у Голицыной стали одеваться Лиз Тейлор, Софи Лорен, Мария Каллас, Грета Гарбо, Моника Витти, Майя Плисецкая...

Источниками вдохновения кутюрье могут служить люди, явления, шедевры музыки, живописи,

архитектуры... Джузеппе Ланцетти создал серию вечерних платьев под влиянием работ Пикассо (неделя моды 1986-1987 гг.). Сдержанный верх из черного бархата и авангардный низ, с яркими геометрическими фигурами. Платье от Ренато Балестра посвящается Марии Каллас, бесподобно исполнившей арию Кармен. Черный бархат будто охватывают снизу языки пламени (рюши из тафты), поднимаясь к сердцу. Ассоциация с огнем, набирающим силу. Модельера Мареллу Ферреру впечатлила лестница, ведущая к церкви Кальтаджироне. Она состоит из 142 ступеней, украшенных керамическими плитками с фирменным местным орнаментом. Жилет с вышивкой (1993 г.) точь в точь повторяет лестничный узор и форму ступенек.

С интересом разглядываешь наряды кинозвезд, в которых они появлялись в разных фильмах, на красной ковровой дорожке, церемонии награждения премией «Оскар», на премьерах. Смокинг Джеймса Бонда, что отлично сидел на Пирсе Броснане (фильм «Умри, но не сейчас», 2002 год) создан Бриони. Для любимчика женщин Марчелло Мастроянни темный костюм от Литрико. Вечернее платье из тяжелого атласа от Эмилио Шуберта – для актрисы Джини Лоллобриджиды (1950 г.). Творение Валентино – для Лиз Херли (шелк, гофрированный атлас).

На церемонию вручения британской премии кинематографа BAFTA-2000 актриса Кейт Бланшетт пришла в наряде «Прада». Об имидже Дженнифер Лопес на церемонии награждения «Грэмми» позаботилась Донателла Версаче.

Наряды супермоделей почти эфирные, невесомые, или же настолько узкие, что придется впору ребенку. Таково полупрозрачное шелковое платье с кристаллами Сваровски, сочиненное для Наоми Кэмпбелл (Версаче, 1998-1999 гг.). Платье с тигровым принтом для Синди Кроуфорд (Роберто Кавалли, неделя Высокой моды "Woman under the stars", 2000 г.). Красочное, будто тропическое платье, с огромными бабочками для Миллы Йовович (Энрико Ковери, весна-лето, 1997 г.). Любопытно, что, несмотря на расцветку, оно называется «Женские слезы». Все-то дизайнеры про женщин знают. Яркий и радужный фасад (одеяние) вовсе не означает легкого настроения. Противоречие заложено в натуру женщины самой природой.

Дизайнеры используют разные материалы для решения своих эстетических задач: металлические пластины, зеркала, камни Сваровски (жилет De Liguoro), даже бюстгальтеры. На платье с объемной юбкой из черных лифов ушло (на глаз) два десятка экземпляров. Похоже на бутон, в то же время пикантно и искусительно.

Экспозиция также включила модели таких известных брендов как «Роберто Капуччи», «Лоренцо Рива», «Эмилио Пуччи», «Антонио Маррас», «Джорджо Армани», «Дольче и Габбана», «Фенди», «Джанфранко Ферре», «Гуччи», «Москино», «Труссарди», «Лаура Биаджотти», «Альберта Ферретти», «Эрманно Шервино», «Лучано Сопрани» и других. Проект был организован при содействии посольства Италии в Грузии, Министерства культуры и охраны памятников Грузии и Тбилисской мэрии.

ДА БУДЕТ СВЕТ!

Темо Сухишвили служит в театре им. Грибоедова уже 33 года. Более четверти века его работа – это рисовать светом.

Он «нарисовал» десятки спектаклей и в Грибоедовском, и во многих театрах как в Грузии, так и за рубежом. Из выдающихся работ Т. Сухишвили последних лет – «Холстомер. История лошади» Л. Толстого, «Ревизор» Н. Гоголя, «Вишневый сад» А. Чехова.

Конечно, в театре нет профессий, которые не важны. Каждый вносит свою необходимую часть в мозаику спектакля. И все же значение художника по свету трудно переоценить. Именно он, оставаясь невидимым для публики и никогда не выходя на поклон, и наносит финальный мазок на общую картину постановки. Как выставлен свет, так и звучит монолог, так и смотрятся костюмы, так и «играют» декорации.

«В спектакле все взаимосвязано, – рассказывал Темо Сухишвили в одном из интервью. – И одну из главных ролей играет именно свет. Если я не придам светом актеру то настроение, которое он должен сыграть, то он никогда не справится со своей задачей. А если не вовремя сделаю переход, то считайте, что монолога и не было. То есть, мы – одно целое. И я как художник по свету настолько «сизжу» в спектакле, что мгновенно реагирую на каждую непредвиденную ситуацию... Да, я не выхожу на сцену, но прекрасно знаю и чувствую, что те аплодисменты, которые раздаются в конце, звучат и для меня тоже».

Наши аплодисменты Теймуразу Павловичу! И да будет в Грибоедовском свет – сейчас, и присно, и во все времена!

Теймураз Сухишвили

Париж, 1920-е годы. Здесь, благодаря А. Воронцовой-Дашковой, на весь мир прозвучало грузинское слово «Имеди»

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Праправнучка последнего царя Картли-Кахети Георгия XII и правнучка крупнейшего грузинского поэта-романтика, генерала Александра Чавчавадзе, княжна Чавчавадзе, аристократка Мамацашвили (Мамацева), графиня Воронцова-Дашкова, подруга великой Коко Шанель, человек, благодаря которому парижане узнали, как на грузинском языке звучит слово «надежда»... Все это – одна и та же женщина. Родившаяся в Тифлисе, выжившая во время «красного террора» в Ессентуках, прославившаяся в Париже, похороненная в Берлине. Анна Ильинична Воронцова-Дашкова. Она прожила всего пятьдесят лет, но эти полвека вместили в себя всю нелегкую судьбу грузинской и российской интеллигенции первой половины про-

шлого века – Первая мировая война, большевистский переворот, выживание в эмиграции...

Она была первым ребенком в семье князя Ильи Давидовича Чавчавадзе – внука стихотворца в генеральской форме – и Варвары Аслановны (в некоторых источниках Веры Александровны), урожденной княжны Вачнадзе. Она получила имя своей бабушки по отцовской линии – светлейшей княжны Анны Ильиничны Багратиони-Грузинской, трагическая судьба которой вошла в историю и Грузии, и России, а Александр Дюма-отец даже описал ее, путешествуя по Кавказу. Вот эта история: двадцативосьмилетняя княгиня Анна в 1854 году оказалась в плену у легендарного предводителя северокавказских горцев имама Шамиля.

Ее захватили во время набега на Цинандали – имение князей Чавчавадзе в Кахети. По пути в Дагестан погибла ее новобрачная дочь, а сама она была обречена на долгие восемь месяцев плена в шамилевской резиденции Ведено вместе со своими пятью детьми, сестрой, имевшей полугодовалого сына, и еще двумя десятками людей, захваченных в поместье...

Обменяли их на поручика российской армии, именуящего себя так: «Его Сиятельство Господин Горец Джамалуддин Шамиль». То есть на сына Шамиля, которого, между прочим, он сам отдал в «аманат» (заложничество), надеясь, что русские отведут войска от его ставки в ауле Ахульхо. В России молодой заложник, опекуном над которым лично принял сам

Анна Воронцова-Дашкова

Николай I, учился в двух кадетских корпусах, один из которых предназначен для дворянских детей, освоил русский, немецкий и французский, имел право носить национальную одежду – черкеску. Он стал офицером Уланского полка и писал отцу, что «очень приохотился к танцам и гимнастике». Он даже собирался принять христианство, чтобы жениться на дочери гяура – генерал-майора в отставке, почетного члена Петербургской академии художеств Петра Оленина. А посаженным отцом на свадьбе должен был быть не кто иной, как Николай I. Вот такое заложничество у сына ярого врага Российской империи...

Легко понять, что отнюдь не столь приятной была жизнь несчастных женщин, оставшихся с малолетними детьми в горном ауле и не общавшихся практически ни с кем, кроме Шамиля и трех его жен. Сын столь много претерпевшей княгини Анны – Илья Чавчавадзе, которого она родила уже после освобождения из плена, дает первой дочери имя своей любимой матери, и девочка становится полной тезкой знаменитой бабушки, которая ее очень любила. В семье надеются, что уж у этой Анны Ильиничны будет светлая судьба. Поначалу так и происходит: безоблачное детство в компании с сестрой и братом, велико-

Анна Багратиони-Грузинская

светские приемы и балы в юности, знакомство с красавцем-аристократом Осико (Иосифом) Мамацшвили (Мамацевым), окончившим Петербургский институт инженеров путей сообщения. Увы, брак их распадается, несмотря на то, что у них уже были две дочери, и на этом завершается спокойная полоса ее жизни: семья разрушена, за окном – Первая мировая война. Как и многие другие представительницы княжеских родов, Анна вносит свой посильный вклад в победу над врагом: работает в больнице.

Больница эта не в благоустроенном Тифлисе, а на периферии, в Боржоми. И именно там молодая женщина знакомится с человеком, которого родственники и близкие называют просто Сашка. Полное же его имя – Александр Илларионович Воронцов-Дашков. Он – граф, младший ребенок в многодетной семье генерала от кавалерии Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова, царского наместника на Кавказе, известного государственного и военного деятеля, личного друга Александра III, влиятельного царедворца. Мать «Сашки» – Елизавета Андреевна, урожденная графиня Шувалова, статс-дама императорского двора, кавалерственная дама ордена Святой Екатерины. Помимо громких титулов, у родителей молодого человека – обширные владения по всей стране. Да и сам он не из последних в высшем свете – выпускник Пажеского корпуса, друг и флигель-адъютант Николая II, полковник лейб-гвардии Гусарского полка.

Князь Илья Чавчавадзе, отец Анны Воронцовой-Дашковой

В трудные годы войны он блестяще проявляет себя не только на фронте, но и при выполнении деликатных поручений. Именно его царь направляет на Кавказ уговорить постаревшего отца отказаться от наместничества. Вот что вспоминает внук Александра II великий князь Андрей Романов: «Теперь туда послан Сашка Воронцов. Мы его одели Кавказцем и поручили (я вел с ним эти переговоры), чтобы он убедил своего отца поручить Мышлаевскому командование Армией и сформировал бы ему штаб, а он пусть остается Главнокомандующим»...

В общем, в Боржоми встречаются два представителя знатнейших родов Грузии и России. Они полюбят друг друга, создадут семью, родят двух сыновей. И, как провозглашают при венчании, их разлучит только смерть. Свадьба их проходит 10 марта 1916 года, конечно, в главном городе страны, который на ура-патриотической волне уже утратил звучащее по-немецки имя и стал Петроградом. Правда, состоялась она в узком семейном кругу из-за траура по скончавшемуся в январе отцу жениха, бывшему наместнику на Кавказе. «Мы оба волновались. Я опоздала на свадьбу на целый час: но не по своей воле, а потому что за мной поздно приехали. Сашка был страшно нервен, а я не стояла на ногах», – вспоминала Анна Ильинична. Зато подарок вдовы графа Воронцова-Дашкова сыну и невестке роскошен: Елизавета Андреевна дарит им петроградский особняк на Моховой, перешедший к ней как

Наместник Кавказа
М. Воронцов-Дашков

наследство ее шуваловского рода.

Увы, это великолепное здание, построенное еще в середине XIX века, но почему-то лишь в 2001 году причисленное нынешними городскими властями к «вновь (!) выявленным объектам, представляющим историческую, научную, художественную или иную культурную ценность», семейного уюта молодоженам не приносит. Первый год совместной жизни они оба проводят... в действующей армии. Александр на передовой командует гусарами, Анна – сестра милосердия в санитарном отряде. А в их доме, впрочем, как и во всех других особняках Воронцовых-Дашковых, размещается лазарет. «У меня был какой-то особенный суверенный страх к этому дому, а обстоятельства усилили его, – признавалась Анна Ильинична... – Мы устроились в среднем этаже, а приемные комнаты и все комнаты над нами были заняты инвалидами. Их было у нас 150 человек». И не так уж часто она приезжает сюда с фронта – только для того, чтобы навестить дочерей от первого брака, живущих в семье отчима.

Недолгой была совместная жизнь супругов на Моховой и по возвращении с фронтов Первой мировой: Октябрьский переворот, Гражданская война. Муж отправляется в Добровольческую армию, сражавшуюся с большевиками на юге России, жене опасно оставаться в Пе-

трограде с революционными матросами, «красным террором» и прочими страшными приметами того смутного времени. Так что ожидающая ребенка Анна вместе с дочками, которым нет еще десяти лет, и с семьей сестры мужа Ирины, в замужестве графини Шереметевой, бежит на Северный Кавказ. Кстати, эта графиня тоже была сестрой милосердия в Первую мировую и награж-

Александр Воронцов-Дашков

дена тремя Георгиевскими медалями! Но для красных это не имеет значения – она бывшая фрейлина императрицы. И семьи двух женщин с графскими фамилиями, режущими слух большевикам, оказываются на даче «Капри» в Ессентуках. Этот дом, ставший потом корпусом санатория «Коммунист», а теперь – Краевого социально-оздоровительного центра «Кавказ», настолько красив, что его обитатели не могут не привлечь внимания красных властей. И на этих обитателей в 1918-м обрушивается кошмар Гражданской войны.

Поначалу ни Воронцовы-Дашковы, ни Шереметевы не скрывают свои фамилии и происхождения, и за это приходится расплачиваться. Обыски, допросы... Слуги «пролетарского происхождения», как могут, помогают им, но арест неизбежен. Дважды графиням удается чудом избежать расстрела, потом приходится скрываться уже под чужими именами, прятаться у свекрови Анны и матери Ирины – Елизаветы Андреевны.

Но и там их всех настигает «карающая рука рабочего класса»: еще один арест, тюрьма в Пятигорске. Там они оказываются в заложниках вместе с захваченными офицерами... Вот что писал о 73-летней свекрови Анны полковник Николай Бигаев, возглавлявший конвой ее мужа в бытность того наместником на Кавказе: «Мне рассказывали, как она стойко, мужественно и достойно перенесла издевательства большевиков, арестовавших ее в Ессентуках в 1918 г. и державших ее в тюрьме на арестантском пайке». А это – уже сама Анна, родившая в Ессентуках сына Иллариона, названного в честь бывшего Кавказского наместника: «Подобно обо всех ужасах писать невозможно, столько крови, столько слез и горя кругом»...

И все же судьба благосклонна к Анне Ильиничне. Она не только выходит из тюрьмы, ей удается добраться до Крыма. А там среди офицеров, приближенных к властителю последнего оплота Белой армии генерал-лейтенанту Петру Врангелю, – ее муж. Врангель настолько ценит Александра Илларионовича, что включает его в состав Высшей комиссии правительственного надзора, созданной из самых надежных людей для рассмотрения жалоб и сообщений о всех «особо важных преступных деяниях по службе государственной или общественной и серьезных непорядках в отдельных отраслях управления», а также прошений на имя главнокомандующего.

Анна и Александр после свадьбы

Особняк на Моховой улице в Петрограде, подаренный Анне и ее мужу

Правда, это происходит в 1920 году, когда его жены уже нет в России. Да, и в Крыму Анне с Александром недолго довелось быть вместе.

В разгар ожесточенных сражений за этот полуостров жизнь десятков титулованных семей, бежавших сюда от большевиков, становится не только трудной, но и опасной. И вот английской вдовствующей королеве Александре, матери короля Георга V, удается убедить правительство Великобритании отправить в Крым корабль, чтобы эвакуировать ее младшую сестру. А сестра эта – не кто иная, как Мария Федоровна, другая вдовствующая императрица – российская, мать Николая II. За ней и другими членами Дома Романовых в апреле 1919-го прибывает линкор «Мальборо». Однако Мария Федоровна заявляет, что и не подумает уезжать, если не будут вывезены не только все ее родные, но и друзья: «Требую, чтобы были даны в распоряжение и другие корабли!». Времени на согласование этого требования с Лондоном нет, и английский адмирал решает предоставить еще два корабля для всех, желающих покинуть родину. На одном из них и Анна Воронцова-Дашкова с детьми и семьей зловки Ирины.

С вдовствующей императрицей на «Мальборо» отплывает князь Феликс Юсупов, граф Сумароков-Эльстон, человек, непосредственно повлиявший на развитие истории России, –

он участник убийства Григория Распутина. В своих воспоминаниях он выражает то, что на всех трех кораблях чувствовал каждый: «На борту броненосца народу была тьма. Пожилые пассажиры занимали каюты. Кто помоложе – устраивались в гамаках, на диванах и прочих случайных ложах. Спали где придется, многие просто на полу... Впереди над Босфором сияло солнце в ослепительно синем небе. Позади – черные гроззовые тучи опускались на горизонт, как завеса на прошлое». Прочувствовав настроение беженцев, вспомним, что Анна Ильинична только что рассталась с мужем и не знала, увидятся ли они вновь.

На этот раз судьба не отво-

Дача «Капри» в Эссенуках

рачивается от них – они встречаются в Константинополе. И затем около двадцати лет вместе делят и успехи, и лишения. А в Константинополе ежедневная газета «Вечерняя пресса», выходящая на русском языке, уведомляет всех эмигрантов о похоронах князя Чавчавадзе Ильи Давидовича на местном кладбище Шушли. Отправив овдовевшую мать в Париж, Анна с мужем совсем ненадолго появляются в Грузии, но это уже не их Грузия. И они тоже отправляются в Европу – удел тех, кого называют первой русской эмиграцией. В немецком Висбадене рождается их второй сын – Александр, и семья отправляется в «мекку» аристократических изгнанников, в Париж. О судьбах русских эмигрантов в этом городе написано много книг и снято немало фильмов. И все мы знаем, что блестящие офицеры становились шоферами, ресторанными певцами, музыкантами, танцорами, швейцарами, официантами...

Александр Воронцов-Дашков занимается тем, что называется общественно-политической деятельностью, он – член Союза пажей, объединяющего выпускников Пажеского корпуса, активист Национальной организации русских разведчиков. Но жить-то на что-то надо, после всех мытарств вывезти из России удалось не так уж много. И Анна становится светской мане-

Анна с мужем (второй справа) и бароном П. Врангелем (в центре). Константинополь, 1921

кенщицей у Габриэль Бонер Шанель, известной всему миру как просто Коко Шанель. Графиня не только представляет наряды на подиуме, но и появляется в театрах и на приемах в нарядах «роскошной простоты», создаваемых ее французской подругой. Тем, кто особенно восхищается, скажем, приталенными жакетами или «маленькими черными платьями» (этот термин дожил до наших дней), достаточно назвать имя их создательницы, и, как теперь говорят, пиар или раскрутка обеспечены. А вскоре она понимает, что «созрела» для самостоятельной работы.

К этому времени Париж уже покорен изгнанницами из высшего русского общества, которые создали многочисленные швейные мастерские и ателье, быстро ставшие подлинными домами моды. Аристократки, начав на чужбине борьбу за существование, доказали, что отнюдь не соответствуют образу ничего не умеющих неженек. Мало кто знает, что они с детства обучены шитью, кройке и вышиванию. Я могу пригласить любого сомневающегося к живущей в Тбилиси представительнице княжеского рода, в комод которой хранятся уникальные кукольные наряды, созданные в детстве ее бабушкой с сестрами. К маленьким княжнам приглашали искусных мастериц, и те обучали так, что до сих пор впечатляют созданные девочками рубашки, обшитые монетками, национальные костюмы, накидки с пелеринами, кружевные юбки и всевозможные платья. А в подтверждение того, что графини и княгини умели делать с детства, надо добавить: оказавшись в эмиграции, они проявили себя еще и, говоря по современному, как бизнесвумен.

Правда, до 1922 года они не могли развернуться вовсю — экономическую деятельность

ограничивал их неопределенный статус. Но когда нобелевский лауреат Фритъоф Хансен через Лигу наций добился введения для русских эмигрантов особого паспорта, признанного в 38-ми государствах, изгнанницы доказали, насколько они приспособлены к превратностям судьбы. Не случайно, один из парижских журналов того времени пишет: «Трудно преувеличить мужество, с которым дамы высшего русского общества, изгнанные с родины, взялись за работу». Русский стиль в одежде, обуви, аксессуарах становится необычайно популярен, большинство модных предприятий того времени основано русскими аристократками. Кстати, и престиж, который профессия манекенщиц имеет до сих пор, создали тоже они.

Одними из первых открывает свой дом моды «Ирфе» Ирина Юсупова, одновременно с Ворон-

На этой парижской улице было ателье «Имеди»

Анна Воронцова-Дашкова

цовыми-Дашковыми покинувшая родину. Такие же дома у представителей царской семьи Романовых: «Китмир» принадлежит великой княгине Марии Павловне, «Бери» – жене великого князя Гавриила Константиновича, Антонине. А еще – дома мод «Шапка» – княгини Марии Путятиной, «Женевер» – принцессы Евгении Ольденбургской, «Тао» – княгини Марии Трубецкой и Любови Оболенской, «Итеб» – баронессы Лидии Гойнинген-Гюне, «Арданс» – баронессы Кассандры Аккурти фон Кенигсфельс, «Адлербег» – графини Лидии Адлерберг...

И вот в 1924 году в доме N5 на улице Колизея открывается дом мод, на вывеске которого значится: IMEDI (по-грузински «Надежда»). От безупречного вкуса и мастерства Анны Ильиничны в восторге не только парижанки. Здесь нет отбоя от богатых дам из Англии, Голландии и даже от американских миллионерш. Так в Париж приходит мода на все грузинское, кавказское, тем более, что действует еще и дом мод княгини Нины Шервашидзе. Появляется даже ткань Tifliss, многие модельеры шьют костюмы в кавказском стиле. Но, как известно, ничто не вечно под луной. Страшный экономический кризис в Америке бьет и по эмигрантскому бизнесу в Париже...

Анна и Александр заканчивают свои жизни в Берлине, совсем не богатыми людьми. Пятидесятилетнюю графиню Воронцову-Дашкову хоронят в 1941 году на русском кладбище Тегель, в одной могиле с мужем, скончавшимся на три года раньше. Через год в Париже умирает ее мать. Дети Анны Ильиничны разъехались по всему миру. Дочери Марина и Вера, выйдя замуж, жили в Южной Америке и США. Младший сын Александр семь лет прослужил в Иностранном легионе, во-

евал командиром взвода в Индокитае и в тридцатилетнем возрасте умер от ран во вьетнамском плену. Старший – Илларион уехал в Калифорнию. Его сын, полный тезка своего деда, мужа Анны, впервые побывал в России в годы перестройки, потом приезжал еще.

И вот его горькое резюме: «Меня возили как американского туриста... смотреть семейные святыни... Мне пришлось совместить несовместимое: любовь и уважение родителей к прошлому России – и безжалостную свирепость, направленную против памяти моей семьи. Я увидел церкви, построенные моей семьей, оскверненными, превращенными в гаражи... Мне показывали пустые разграбленные могилы и возили в дом моего прадеда... куда меня не пустили новые «хозяева». В архивах под строгим надзором я рассматривал личные вещи бабушки и дедушки, а в Историческом музее мне разрешили сфотографировать семейный портрет – всего лишь за сто долларов!..

Могилы Анны и Александра в Берлине

На этой фотографии вся семья, собравшаяся в последний раз на ступеньках дачи в Эссентуках. Это было накануне того исторического момента, когда жестокий ветер красного террора рассеял их по всему белому свету. Бабушке не удалось вновь увидеть свою родину, и это, наверное, к лучшему. Не нашла бы она там своего угасшего прошлого, не заинтересовались бы ее рассказами...»

Правда, в начале 2000-х в России опубликовали воспоминания Анны Ильиничны, но напечатаны они были в двух журналах, которые вскоре перестали выходить, и сейчас они стали библиографической редкостью. А мы все равно помним грузинскую княжну, российскую графиню, которую Тифлис подарил мировой истории...

АВАНГАРД – ЭТО СВОБОДА!

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

В Москве, в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, проходит выставка «Грузинский авангард: 1900-1930-е. Пиросмани, Гудиашвили, Какабадзе и другие художники. Из музеев и частных собраний». Это экстраординарное событие напомнило о другом, не менее значимом – международной научной конференции «Идея авангарда в литературе и изобразительном искусстве», которая состоялась в прошлом году в Тбилиси. В ней принял участие известный российский искусствовед, историк искусства, эксперт русского авангарда, издатель Андрей Сарабьянов.

– **Андрей Дмитриевич, Сергей Бирюков выразил мнение, что русский авангард – более фундаментальный, глобальный, мессианский, нежели европейский, который он считает скорее технологичным. Как вы прокомментируете это утверждение?**

– Я считаю, что надо объединять русский и европейский авангард и рассматривать их в общем контексте. Конечно, эти явления отличаются друг от друга. Европейский авангард, или, иначе говоря, модернизм – явление очень широкое и многообразное. Внутри него – чешский, польский авангард, а еще раньше – французское, английское, немецкое искусство. И русский авангард органично вписывается в общую историю евро-

пейского искусства XX века. Потому что русские очень многое заимствовали у европейского авангарда – новые взгляды, формы. Они умели все это по-своему перерабатывать. Так что авангард, на мой взгляд, – это общее, интернациональное явление в искусстве. Русский авангард очень многим обязан французскому искусству, в частности, французскому постимпрессионизму, ведь большинство русских художников учились на работах представителей этого направления. Овладевали секретами мастерства во Франции. Смотрели, изучали. Русские отдали дань и французскому кубизму – Пабло Пикассо и Жоржу Браку. Видели их работы воочию. Известно, что Владимир Татлин бывал в мастерской Пикассо. А еще русские авангардисты многое почерпнули из итальянского футуризма: передача движения в их живописи и скульптуре близка именно этой стилистике. Поэтому так разделять, дескать, русский авангард – мессианский, а европейский – технологичный, – это не совсем верно. Конечно, в русском авангарде в силу исторических обстоятельств, возможно, были отражены идеи, предвещающие будущее России, русскую революцию. Потому что авангард, прежде чем стать авангардом, разрушил нечто старое, старые представления об искусстве. И они сами об этом заявляли. Напомню знаменитое выражение Владимира Маяковского из брошюры 1912 года «Пощечина общественному вкусу»: «Сбросим Пушкина с корабля современности!» Такой был манифест. Но на самом деле максимализм авангардистов был больше на словах, чем на деле. Эпатаж!

– **В 1992 году вами был издан альбом «Неизвестный русский авангард в музеях и частных собраниях СССР». Расскажите, пожалуйста, об этом.**

– Изданию предшествовала большая работа в архивах, где я изучал списки рассылок по провинции русского авангарда в 1919-1922 годах. Дело в том, что в 1919 году в Москве по идее художника Василия Кандинского было создано Музейное бюро. Оно занимало небольшую комнату, где находился Василий Кандинский, ему помогал коллега Александр Родченко, был еще секретарь – вот и все. Они покупали у современных художников работы – это был весь цвет авангарда: Константин Малевич, Владимир Татлин, Любовь Попова и другие. По задумке Кандинского, эти произведения рассылались по разным городам России с тем, чтобы в тех местах, где есть художественные училища, были организованы музеи современного искусства. Эта идея была высказана впервые. Раньше о музеях современного искусства никто в мире не говорил. Музейное бюро работало три с половиной года, причем очень успешно – за это время они закупили около 2000 произведений. Там преобладала живопись, поскольку Кандинский был живописцем, и у него были свои вкусы

Андрей Сарабьянов

и предпочтения. Однако графика и даже скульптура тоже были представлены. Эти 2000 работ были разосланы в 40 городов России, начиная от Витебска и кончая Владивостоком. Машин, самолетов тогда не было. Развозили в рулонах на каких-то телегах. Кстати, сегодня Кандинского перевозят в бронированной машине и страхуют на миллионы долларов. Что удивительно – все удалось тогда развезти по местам назначения! Организовали музеи современного искусства, которые назывались МЖК – музеи живописной культуры. Они были созданы в Москве, Петербурге, Самаре, Нижнем Новгороде, Краснодаре – и все, пожалуй. Многое, что было разослано, осело в сараях, у кого-то дома. Но постепенно эти вещи попали в музеи, и вот сегодня они хранятся либо в краеведческом музее города, либо в каком-нибудь художественном музее. Когда я стал в конце 80-х годов ездить по городам в поисках этих работ, авангард был еще под запретом. На Западе он был известен, а в России государство относилось к нему с некоторой опаской. Мне очень повезло, потому что вся документация, которая велась в те годы, сохранилась: в архивах лежали списки –

кто, что и куда повез. По этим спискам я и стал ездить. Объехал городов десять, порой совершенно неожиданно обнаруживая работы авангардистов. Одни висели в экспозициях, другие хранились в запасниках... Помню, авангард был совершенно темным явлением для директрисы музея Астрахани. Я поинтересовался, нет ли в запасниках русского авангарда. Она переспросила: «Что? Кубики, квадратики? Да, что-то есть у нас». В итоге выяснилось, что в запасниках музея хранится несколько произведений Александра Родченко, Казимира Малевича, Василия Кандинского. Поток авангардистских работ был поразительный! В итоге был издан альбом, в котором впервые были опубликованы многие работы. Кроме того, я стал выискивать биографии этих художников. Про Малевича и Кандинского все знают. А вот, к примеру, про Михаила Менькова, ученика Малевича, известно немного. От этого художника осталось всего четыре картины, и его биографию пришлось разыскивать в архивах.

– Авангард был левым движением и поддержал революционный переворот в России. Но вскоре художники-авангардисты стали гонимы советской властью. Нет ли здесь трагического противоречия?

– Авангард революционен в художественном смысле. Но ассоциировать его с разрушительным потоком революции и ужасными большевистскими деяниями я считаю неправильным. Хотя авангардисты и грозились разрушить музеи. Несомненно, это трагическая история! Но тут нет противоречия. Просто левые движения, собственно, и были левыми. Но когда произошла революция, авангард уже был оформившимся художественным стилем, явлением. У них уже тогда были идеи, устройства жизни по-новому, нового быта, новых социальных условий, и они бросились на службу новой власти, революции. С тем, чтобы создать какие-то современные, перспективные структуры, связанные с искусством. Сфера образования, музеи, выставки, быт художника – все новое. У авангардистов все это началось очень интересно и активно. Но исторические обстоятельства сложились так, что власть поняла: это ей не нужно. Авангард только мешает – своим свободолобием. Что он очень сложен для советской власти. Ей больше подходил стиль соцреализма, где все ясно, просто, тем более, что это – удобная агитация. А какая агитация от авангарда? Так что буквально через 5 лет никого из них у власти уже не было.

– В 30-е годы русский авангард как таковой перестал существовать. Он был уничтожен или просто исчерпал себя как художественное явление?

– Нет-нет, я уверен, что он не исчерпал себя. Можно немного пофантазировать: если бы все шло естественным путем и не было бы откровенно остановлено, то авангард проник бы и в архитектуру, в глобальном смысле этого слова, то есть были бы постройки, а не только какие-то проекты. И театр стал бы по-новому работать, и кино – да все на свете. Как это произошло в Европе. Пото-

му что конструктивизм, который, в общем, родился в России, потом стал стилем европейской архитектуры на долгие годы.

– Что в грузинской коллекции русского авангарда лично вам интересно? Ведь вы сочли ее достойной отдельной главы в «Энциклопедии русского авангарда», выпущенной вами в 2013-2014 гг.

– Когда родилась идея об издании «Энциклопедии русского авангарда», было задумано сделать статьи о музеях, в которых есть хорошие коллекции этого художественного направления. И ваша коллекция действительно на уровне самых лучших музеев. Она не абсолютно полная – но абсолютно полных коллекций и нет. А по качеству и разнообразию работ грузинская коллекция на очень высоком уровне. Здесь есть и ранний, и поздний авангард. Представлены тот же Кацман, Кандинский – художники номер один. А есть мастера, которых вообще нигде больше нет. Владимир Боберман, например. Не сохранилось ни одной из его работ того времени, кроме тех, что хранятся у вас в музее. Есть собрание очень хороших вещей Льва Бруни, имеющего не прямое, а косвенное отношение к авангарду. В музее много достойных работ, и мы сочли необходимым, чтобы статья о грузинской коллекции была написана для нашей энциклопедии.

Кстати, мы не касались в энциклопедии неизвестных художников, поскольку нам надо было давать какие-то более общие характеристики. И у нас был принцип: статьи в энциклопедию должны были писать именно сотрудники музеев. Грузинский искусствовед Нана Шервашидзе подготовила прекрасную статью про коллекцию музея искусств имени Ш. Амиранашвили.

– Как возникла сама идея создания энциклопедии русского авангарда и как вы шли к ее воплощению? Какие были сложности на этом пути?

– Эта идея очень давняя. Искусствовед Васи-

лий Иванович Ракитин, мой соавтор, уже много лет живет в Париже. Студентом Василий Иванович заинтересовался русским авангардом и начал разрабатывать эту тему. К тому же он дружил с крупнейшим коллекционером русского авангарда Георгием Костаки, помогал ему в формировании коллекции, много сделал в ней атрибуций, датировок. Ракитин – великий специалист в этой области. Он старший мой товарищ, и я с ним очень подружился. Мы много говорили о том, что нужно подвести некий итог нашим знаниям о русском авангарде. К тому времени было выпущено большое количество отдельных книг, статей. Проведено немало выставок, на которых приводились краткие биографии художников. Увы, в них было много ошибок. Эти ошибки повторялись из издания в издание, ведь если один автор ошибся, то ошибка потом повторяется, потому что все друг у друга переписывают. Редко кто идет в архив и перепроверяет информацию, факты. Повторяющиеся ошибки стали нас расстраивать. И мы решили, что нужно подготовить некое итоговое издание. Стали обдумывать разные варианты. У Ракитина собрался очень большой архив. У меня – тоже. Я работал в издательстве, и мне в руки попадали какие-то снимки, изображения. В какой-то момент нам удалось купить у одного человека журнальный архив. Он пересмотрел всю периодику Москвы и Петербурга, начиная с 1910 года, и зафиксировал все события, которые происходили в художественной жизни, точные даты выставок. Это был тоже уникальный материал. Вот так, со всех сторон, у нас собиралось и собиралось. Были сделаны две попытки издать эту энциклопедию – и оба раза наш спонсор разорвался. Так прошло довольно много времени – более десяти лет, пока мы встретили Ирину Правкину. Ее компания «Глобал Эксперт энд Сервис Тим» финансировала наше издание. В течение трех с половиной лет мы конкретно занимались работой над энциклопедией. При этом мы решили подойти к нашей задаче всеми необходимыми, законными путями. Получили разрешение на публикацию от всех музеев мира. Авторы статей заработали гонорары – пусть и небольшие. Словом, все у нас было сделано по правилам европейским. Это издание тем и ценно, что легально!

– А концепция со временем не изменилась?

– Нет. Просто по мере работы выяснялось, что нужно написать и об этом, и о том, и о другом, о пятом и десятом. И это не сразу стало понятно. Сначала была идея все делать в алфавитном порядке. Художники, события – все вперемешку. Поэтому разделили: первые два тома – это биографии художников. А третий том в двух книгах – это явления, события, термины, история и хронология. Там очень много самых разнообразных статей. Информация обо всех выставках с уточненными датировками на основе архива прессы.

– То есть вам удалось объять необъятное?

– Удалось, конечно! Правда, позднее всплыли новые имена художников, которые не попали в энциклопедию. В прошлом году в Москве прошла выставка под названием «До востребования». Коллекции русского авангарда из региональных

музеев». Для нее было отобрано более 100 произведений как признанных классиков авангарда – Казимира Малевича, Василия Кандинского, Михаила Ларионова, Натальи Гончаровой, Любови Поповой, Ольги Розановой, Марка Шагала, так и не столь известных мастеров – Виктора Барта, Алексея Грищенко, Моисея Когана, Алексея Моргунова, Савелия Шлейфера и многих других. Все они внесли серьезный вклад в историю русского авангардного искусства. Часть картин была специально отреставрирована для выставки.

Я был ее куратором. Объехал по второму кругу несколько музеев. Все равно были какие-то находки! Например, в городе Ельце. Конечно, требовать от сотрудников краеведческого музея понимания того, что у них висит на стенах, невозможно. Вхожу в зал. Висят две работы. Первая – Ольги Розановой: прекрасная футуристическая вещь, никому до сих пор не известная под названием «Пожар в городе». А рядом с этой работой – композиция Ивана Ключа. Про него написано: неизвестный художник. И далее: «Футуристический рисунок к пьесе Маяковского «Клоп» – вместо фамилии ху-

К. Малевич. «Черный квадрат»

дожника «Ключ» – «Клоп». То есть удалось найти четыре-пять художников-авангардистов, которые не попали к нам в энциклопедию и вот выплыли невероятным образом из каких-то музеев. Например, из Чувашского музея в Чебоксарах – он предоставил нам картины некоего Алексея Кокеля. До сих пор он был совершенно не известен... Так что процесс идет.

– Насколько полно освещена эта область с точки зрения научного осмысления?

– Поскольку мы хотели подвести некий итог, то пригласили около 200 авторов, специалистов – всех тех, кто профессионально занимается русским авангардом (за исключением нескольких человек, кто по тем или иным причинам не смогли принять участие в нашем проекте). И не только из России. С точки зрения науки мы подвели итог. Дальше – посмотрим. Когда-нибудь появится второе издание. Первые два тома мы уже перевели на французский язык. А там, может быть, и английский перевод сделаем...

– Закономерно, что начали с французского...

– Я специально хотел начать с французского.

Потому что русское искусство – большой должник Франции. Это знак нашей признательности и уважения французскому искусству.

– Эксперты русского авангарда появились лишь в 70-е годы. На чем базировалась эта специальность? И кто мог называться экспертом в этой области?

– Экспертами вначале были искусствоведы и отчасти коллекционеры. С одной стороны, это Василий Иванович Ракитин; известный ученый, специалист в области русского авангарда Евгений Ковтун из Санкт-Петербурга – очень большой знаток авангарда. Из коллекционеров – тот же Костяки, Николай Харджиив. Они все были экспертами, но так себя не называли. Тогда этого термина просто не было. А само слово «эксперт» появилось тогда, когда финансовая составляющая авангарда выросла. И тут появились люди, гарантирующие подлинность работ – появилась профессия «эксперт». Но сначала это все-таки было несерьезно – глаз, хоть это самое важное и первое, может ошибиться, не на 100 процентов гарантирует точность. Важны еще и бумага, и краска...

– Значит, обмануться может самый крутой эксперт, обладающий острым профессиональным глазом?

– Может, может... Поэтому со временем возникло совместное творчество эксперта-искусствоведа, эксперта-реставратора, технолога. Вместе они делали общее дело. Стали относиться к делу серьезнее и с научной точки зрения. Те, кто хотел делать экспертизу, обращался к «химии», а потом с этой «химией», которая уже подтверждала подлинность краски и холста, шли к искусствоведу-эксперту с вопросом: подлинно это или нет? Так все и было до тех пор, пока не пошел вал подделок... Изготовление фальшака достигло пика в конце 90-х – начале 2000-х годов. Но рынок свое дело все-таки делает: в мире стали бояться русских атрибуций, русским экспертам просто перестали верить – они себя дискредитировали. Сейчас ничего не продается – русский авангард, во всяком случае. Посмотрим, что будет дальше.

– Вы перестали заниматься этой работой именно потому, что очень много фальшивок появилось?

– Да, я практически перестал делать экспертизу. Потому что в последние годы подлинников-то новых и нет, они все известны. Иногда бывают чудеса – обнаруживается неизвестный подлинник, но очень редко...

– Ситуация настолько серьезная, что практически все остановилось?

– Я, честно говоря, не знаю ни одной продажи произведения русского авангарда... Хотя, простите, не так давно продали Малевича на каком-то аукционе за очень большие деньги. Но это был настоящий Малевич, из музейного собрания!.. Сейчас коллекционеры озабочены – у них же живые коллекции, кто-то что-то продает, покупает, меняет. И они в ужасе, потому что обратиться за консультацией не к кому. А музеям запретили делать

В. Кандинский. Композиция

атрибуции, и правильно. Потому что в свое время в Третьяковке столько фальшивок было подтверждено на бланках Третьяковской галереи!.. Думаю, ситуация с экспертизой изменится, когда появятся другие, более объективные технические способы исследования подлинности.

– По телевидению была дискуссия на тему «Почему в России непопулярен авангард?» Это действительно так?

– Это факт. К примеру, распространённое мнение о «Чёрном квадрате» Малевича: я так тоже могу нарисовать. Люди от незнания, от примитивного отношения так говорят. Не понимают, что за этим стоит целая эпоха художественных открытий. Этот вопрос часто задают: «Почему в России так непопулярен авангард? Как это может быть?» А я привожу в пример Францию – никому не придет в голову обсуждать достоинства Пикассо. Хороший это художник или обманщик, который всех разводил своими непонятными произведениями? Он же еще испанец, а не француз... Но никому во Франции даже в голову не придет поставить подобный вопрос о Пикассо. А у нас говорят

о том, что Малевич был таким мистификатором и обманщиком. Я имею в виду Россию и наше общественное мнение. Сейчас, мне кажется, интереса к авангарду все-таки стало больше. Больше людей стало его понимать. Сегодня и молодежь более просвещенная. Я надеюсь на эту молодежь. Хочу, чтобы она воспринимала авангард как часть культурного наследия России и относилась к нему с большим уважением и интересом. Мы все время стараемся выпустить книги, интервью давать, устраивать выставки, посвященные отечественному авангарду. Все это идет на пользу. Я не просто оптимист такой наивный. На выставке «До востребования...» побывало 40 тысяч человек! Мне кажется, для такой выставки это достаточно много.

– В России вообще наблюдается бум интереса к изобразительному искусству.

– В Москве и Петербурге – в других городах меньше, в силу меньшей окултурности – модным стало ходить на выставки. Это очень хорошо. Выставки посещает много молодежи. Очень приятно, когда молодой человек с девушкой идет вечером не куда-нибудь потанцевать, а на вы-

ставку. Музеи этому способствуют тем, что работают допоздна, что организуют бесплатные посещения. Некоторый оптимизм по поводу восприятия авангарда возникает не на пустом месте, а исходя из конкретных фактов.

– Несмотря на то, что есть и другая тенденция – возрождение интереса к наследию соцреализма.

– Опять же, что такое соцреализм? Он существовал. Нельзя же его отрицать, говорить о нем только плохое. Конечно, надо попытаться видеть в этом стиле хотя бы художественную сторону. И в общем, она, конечно, присутствует. Потому что многие представители этого направления учились у того же Кончаловского, Машкова. А последние были носителями французской живописной традиции. Недавно была выставка Александра Герасимова – это вопиющий портретист Сталина, писал сюжеты сталинского времени, но даже в нем крупинка живописности имеется. Она есть, и отрицать это нельзя. Надо просто стараться соединять эти два полюса в истории, на которых советская культура развивалась. С одной стороны, соцреализм, с другой – какие-то остатки авангарда и авангардного мышления. Они сосуществовали в одну эпоху.

– Чем лично вам близок авангард?

– Я люблю его за свободное мышление. За свободу от норм и академических правил. Для меня авангард – очень современное, живое и жизнеутверждающее искусство. Я его просто очень люблю. В силу своей профессии я проник в атмосферу того времени, жизнь этих людей. Я их воспринимаю как своих современников. И это помогает мне понимать их творчество. Люблю истории про них, воспоминания о том, кто и как вел себя в каких-то ситуациях и обстоятельствах. Таких материалов очень много. Если покопаться в архивах, там можно найти очень интересные истории о художниках. Наша «Энциклопедия русского авангарда» в этом смысле тоже очень интересна, полна таких историй.

На проспекте Руставели

«Окрестности» дома

Отрывок из воспоминаний

■ Эраст КУЗНЕЦОВ

(Окончание)

Дальше дорога лежала направо по Московской улице, под теми же старыми липами. Путь лежал по спуску, более заметному, чем на улице нашей. Только человек, родившийся и проживший в таком городе, как Тбилиси, способен настолько непосредственно переживать его рельеф. Бежишь утром в школу, а ноги сами несут тебя радостно под уклон, ты летишь, словно подхватываемый воздухом, а в какие-то миги и впрямь взлетаешь или силишься взлететь, а достигнув улицы Барнова, ведущей к школе и одной из самых крутых улиц, ощущаешь перемену, напрягаешься, пружишься, преодолевая крутизну, и это по-своему радостно. И как грустно было мне в один из последних приездов, тогда еще не старому, начав подъем к родным камням своей школы резво, как тогда, вскоре почувствовать необходимость остановиться, — а тогда не останавливался.

Здесь, у поворота на улицу Барнова, выход в большой мир был уже близок. Несколько домов, потом та самая решетка посреди мостовой, куда уходила дождевая вода, а затем площадь Руставели. Написав так, я испытываю некоторую неловкость. Никто тогда эту площадь так не называл. Большинство улиц и площадей вообще называли по-старому. Тут не было никакой оппозиции, кукиша в кармане, а была привычка к издавна принятому, употребляемому многими поколениями. И проспект Руставели называли Головинским, а то и совсем по-домашнему — Головинкой. Название же площади Руставели было новым вдвойне, потому что сама площадь была новая: был перекресток, его слегка расширили, потом поставили памятник поэту. Все продолжали называть это место «у Земмеля», по имени хозяина аптеки, стоявшей на углу, или «у Мелик-Азарянца», по имени

богача, построившего на другом углу громадное здание в стиле «модерн» с кафе, театральным залом, магазинами, а среди них главной приманкой — большим гастрономом.

Здесь мне, как витязю на распутье, предлагались на выбор три дороги в большой мир. Была и четвертая, но не очень приметная и не сулящая богатых впечатлений — подъем, ведущий в малоинтересные кварталы. Мне он памятен главным образом потому, что в самом его начале стояло кафе-мороженое.

Можно было двинуться прямо — через площадь, потом по Верийскому спуску, изгибавшемуся большой дугой над обрывом, под которым был берег реки, застроенный (тогда) редко и как-то хаотично, мимо, с другой стороны сквера имени Розы Люксембург и удивительного четырехэтажного дома с ажурной железной винтовой лестницей, соединяющей все четыре

Кафе на ул. Вахтанга Горгасали

Административное здание на пр. Руставели

галереи – позднее он был увековечен в фильме «День первый, день последний». Потом перейти мост и оказаться на левом берегу. Он был, честно говоря, если не чужим для меня, то и не совсем своим. Я там редко бывал и, главное, там не жил. Он был обширный, но не очень понятный, состоял из отдельных точек притяжения, я их знал, но они существовали каждая сама по себе и не соединялись в нечто цельное и неповторимое. Русский ТЮЗ – два-три года, проведенные при нем, давно забылись, я там бывал, но гораздо реже, чем раньше, бабушка его откровенно недолго любила, что было понятно. Вокзал, суливший радости путешествия. Известный увеселительный сад Муштаид еще дореволюционный, а с тех пор обогатившийся еще детской железной дорогой. Очень большой универмаг, бывший когда-то магазином Офицерского общества. Что-то еще: Госкинопром, как по привычке называли студию «Грузия-фильм», стадион «Динамо», разумеется, восхитительная кондитерская наискосок от ТЮЗа. Вот и все. Между тем левый берег был по-своему интересен и незауряден, но я с сожалением понял это гораздо позднее, когда бродил по нему, всматриваясь и внюхиваясь в жизненную среду своего героя, Нико Пиросманишвили.

Можно было двинуться налево. Эта дорога была предпочтительнее: и интересного было больше, и располагалось все гораздо компактнее, как бы нанизанное на одну улицу – Ольгинскую (давно носившую имя Ленина, но я никогда не слышал, чтобы ее так называли). И еще – ощущение свойскости, едва ли не домашности всего,

что встречалось. На том, левом берегу, я такого ощущения не испытывал.

Уже сразу за памятником Руставели было некое мемориальное место – мой детский сад во дворе большого дома. Я его плохо помнил, но все равно было приятно заглядывать в подворотню и ощущать временную дистанцию между мною этим и мною тем. А еще через пару домов находилось чудное заведение – кафе-мороженое, в котором я бывал нередко, но запомнил не столько само мороженое, сколько громадное, во всю стену, панно: какие-то ледники, снежные просторы с белыми медведями, бродящими по ним то группами, то в одиночку. Это зрелище удивительно ложилось на мою душу, воспитанную в восхищении перед эпопеей «Челюскина», зимовками папанинцев на льдине близ Северного полюса, перелетами Чкалова и Громова.

Почти напротив заведения, в тихой боковой улочке, жила наша родственница Екатерина Александровна. Почти ровесница моей бабушке, она, тем не менее приходилась ей мачехой, а мои родственные отношения с нею затрудняюсь определить. Среди близких, особенно младшего поколения, ее принято было называть «бабулей», но я ее так не звал, ни прямо, ни заглазно. У нас не было принято употреблять так распространенные обращения к людям вроде «дяди» или «тети», да и слащавость этого слова меня коробила, и я

Вид на Мтацминду

звал ее по имени и отчеству, чувствуя себя оттого не каким-то малышом, а человеком более или менее взрослым и цивилизованным. У нее всегда было вкусно и интересно.

Немного далее по той же улице было место исключительной важности – Верийский базар. Далеко не самый большой и богатый, но такой близкий, он был для нас основным, повседневным. Посещения других базаров, Солдатского и Дезертирского, вызывались какими-то особыми обстоятельствами и составляли своего рода экспедиции. Здесь же мы были как у себя дома, у нас водились даже свои постоянные продавцы. Базар занимал пространство целого квартала, своего рода громадный двор. Дома, замыкавшие его каре, своими разномастными галереями (и открытыми, и застекленными), бельем, обязательно развешанным вдоль них, все своей домашностью, чистосердечно и простодушно вывернутой наружу, смотрели на жизнь базара, протекающую там, внизу, оглушающую сотнями голосов, выкриками и окликаками, лязгом гирь на железных тарелках весов и еще какими-то звуками, но поддающимися распознаванию, сливающимися в сплошной изменчивый и завораживающий гул. Базар этот долго был частью моей жизни, и как ошарашен был я, когда в один из приездов в Тбилиси заглянул в такую родную подворотню – и ничего не узнал. Здесь была пустая и довольно чистая площадка, в середине которой как-то по-сиротски стоял новый аккуратный павильон. Старый Верийский базар был ликвидирован после памятной всем эпидемии холеры в начале 1970-х.

Дальше стоит упомянуть книжный магазин, стоявший как раз напротив базара, – туда меня водила мама, а потом я ходил самостоятельно. Впрочем, это было гораздо позднее.

Совсем рядом, почти вплотную к базару, был Кировский парк. Там я бывал часто, хотя бы потому, что он был ближе всех других, и он тоже стал родным. Прелесть его, между прочим, заключалась в том, что, в сущности, совсем небольшой и уютный, затесавшийся среди городской застройки, он оказывался разным в разных своих частях и по-разному сопрягался с окружающим миром, вызывая разное к себе отношение.

Главный вход, устроенный с некоторой парадностью, вел с небольшой площади, почти площадки, примыкавшей к Ольгинской улице, в парадную часть со множеством ухоженных цветников, испускавших густой, почти физически ощутимый аромат, с бюстом Кирова на высоком постаменте, с тщательно проложенными дорожками, обильно посыпанными битым кирпичом, с тихим шипением воды, текущей из водопроводных шлангов. Тут же были дорогие сердцу заведения, вроде очередного кафе-мороженого на открытом воздухе (тут нам, то есть бабушке, маме и мне, несканно повезло попасть в объектив фотографа, а потом увидеть этот снимок в газете «Вечерний

Железнодорожный вокзал

Тбилиси» – это было событие), тира, в котором я впервые попробовал силы в исконном мужском занятии, а также тележек с газированной водой и мороженым. Здесь все было ухожено и располагало к культурному отдыху.

Но, углубляясь в парк, мы постепенно попадали в другую часть – полудикую и не лишённую своей притягательности. Там не было ни цветников, ни обихоженных дорожек, ни скамеек, не говоря уже о газированной воде. Дорожки были скорее тропинками, протоптанными пешеходами на бугристой поверхности земли, среди выгоревшей травы и кривоватых сосенок, растущих по своему хотению. Здесь было раздолье для шумных игр с криками, беготней, укрыванием в кустах от преследователей и проч.

Но пройдя и эту территорию, в сущности, совсем небольшую, мы оказывались вдруг на краю, буквально на краю крутого каменистого склона, а где-то далеко внизу открывался берег Куры, а еще дальше – панорама всего Левобережья. Оно совершенно неожиданно оказывалось прямо на виду, как будто совсем рядом близко и вне связи с теми двумя путями, которыми я привык попадать в него. Туда, вниз, можно было с некоторой опаской спуститься и как-то неожиданно (в памяти сохранилось это восторженное недоумение) попасть в совсем иное пространство, чем то, из которого я шагнул к ухоженным и несколько церемонным цветникам и дорожкам парка.

В Кировском парке присутствовала и некая загадка: несколько могильных плит, как-то неловко, даже случайно раскиданных в разных местах. Это наталкивало на разные размышления, хотя

разгадка, как случается чаще всего, была проста. Парк был моим ровесником, а до того представлял собою городское кладбище – очень старое и ставшее неуместным. Его и ликвидировали с присутствующей тому времени бесцеремонностью, оставив лишь несколько захоронений. Обо всем этом я узнал гораздо позже, выслушав заодно и несколько романтических, а то и мистических историй, с которыми будто бы была связана реконструкция.

Дальше по Ольгинской улице не было как будто ничего существенного, кроме разве что еще двух памятных пунктов: «моего» родильного дома и чаеразвесочной фабрики, в яслях при которой я провел некоторое время, впрочем, сам того не помнил.

А вот еще дальше, миновав мост через речушку Верз, на краю будущей площади, которая только еще зарождалась, был зоопарк, еще одно любимейшее место. Описывать его не буду – обычный зоопарк средней руки, и обитателей его нетрудно себе представить, а запомнился мне из всех только трехногий петух из каких-то экзотических краев, поражавший главным образом своей анатомической противоестественностью. И ничем более.

Но в самом продвижении по зоопарку содержалась скрытая приманка. Он занимал длинный участок вдоль речки, и мы, постепенно переходя от закрытых помещений к клеткам под открытым небом, а от тех к вольерам, достигали задних ворот (всегда незапертых), после чего можно было поворачивать и идти обратно, но мы вместо этого выходили наружу и чудодейственно оказывались в совсем ином мире, чем тот, который оставили,

входя в зоопарк. Города там уже не было, была широкая пойма речки, усыпанная все теми же окатышами, и по самой ее середине извивался крохотный ручеек, каким оставалась речка большую часть года. Пойма уходила вдаль, к холмам, теряясь между ними, и холмы эти постепенно становились все выше, и где-то там виднелись дома, явно не городские, и над ними курились дымки и такой умиротворенностью и отрешенностью веяло от этого видения, так оно манило и тянуло к себе, что хотелось идти и идти туда, и мы шли еще некоторое время, но вскоре останавливались и поворачивали обратно и выходили на площадь с трезвоном трамваев и гудков автомашин (тогда их было гораздо меньше, чем потом, но вели они себя шумнее). Ничего такого там давно уже нет, и речка протекает внутри города и ее обступают многоэтажные скучные громады домов.

Спору нет, дорога налево была хороша, но как-то простовата: Ольгинская улица, вдоль которой довольно редко располагались заманчивые объекты, понятные и привычные, как и радость, приносимая ими. Понятна и привычна была сама эта дорога, начинавшаяся у одной площади и заканчивающаяся у другой.

А вот дорога направо была совсем иной. Она не просто вела к разным привлекательным местам, но и сама по себе была местом очень привлекательным, хотя бы потому, что шла по про-

Памятник В.И. Ленину

спекту Руставели – главной и безусловно притягательной магистрали города.

Она казалась едва ли не бесконечной. Можно было, оставляя время от времени проспект, отходить в сторону от него, а потом возвращаться. Можно было подняться по склону горы, поднимаясь довольно высоко, хоть до нижней станции фуникулера, или прогуливаться по какой-нибудь из параллельных проспекту улиц, на каждом перекрестке поглядывая туда, на проспект, оставшийся далеко внизу. Можно было двинуться вниз, к реке. Особенно привлекательно это было в Александровском саду, спускавшемся от проспекта почти до самой реки. Он, подобно Кировскому парку, чудодейственно изменялся: парадный и респектабельный у проспекта, в нижней своей части обретал пустынную и некоторую провинциальность; к тому же еще перерезался вдруг незаконным вторжением улицы, по которой к тому же время от времени дребезжал трамвай.

Кроме того, дорога направо не завершалась Эриванской площадью, к которой приводил проспект. Тут тоже открывались варианты. Можно было свернуть в небольшой, но уютный район, взбиравшийся по склону Сололакского хребта (вообще-то просто отрога горы).

Можно было пойти по Пушкинской улице, добраться до Мухранского моста (еще старого, с массивными металлическими фермами), – а там перейти на левый берег. Можно было двинуться в старый город, углубляясь в чарующую путаницу кривых улочек и переулков, и, нагулявшись вволю, добраться до площади Майдан с небесно-голубой мечетью (я ее еще успел застать), потом до района серных бань, в которых я тоже бывал, хоть и не часто, а там свернуть в ущелье, занятое Ботаническим садом. А можно было просто пойти вдоль Куры, через Харпухи, с уважением поглядывая на величественный и страшноватый скалистый обрыв противоположного берега. И так идти хоть до Ортачала – правда, я в детстве там никогда не бывал.

Все же главным всегда оставался проспект Руставели. Для меня он был дорогой в «большой мир» и, если угодно, самим этим миром, обильно и многообразно насыщенным. Здесь находилось едва ли не все из того, с чем я уже соприкоснулся, и того, что мне предстояло осваивать в ближайшее время, о чем я думал, что воображал и предвкушал на доступном мне уровне понимания. Приманки теснились по обеим сторонам проспекта, гнездясь чуть ли не в каждом доме.

Магазины самого разного рода. Книжные – но о них умолчу, надеясь воздать им в другом месте. Продовольственные – от двух великолепных гастрономов: в самом начале пути (в том самом доме Мелик-Азарьянца) и в его конце, уже за площадью (с бассейном, в котором плавали рыбки) до маленьких, разбросанных повсюду. Цветочные магазины, да скорее не магазины, а лавки, в том числе и самая изумительная, напротив опер-

Городской Дворец пионеров и школьников

ного театра, в подвале, в прохладную и влажную глубину которого надо было спускаться по крутой, напоминающей щель, лестнице. Комиссионные, перед витринами которых можно было стоять и стоять, дивясь чему-то причудливому, а то и просто непонятному. Рестораны и кафе с доносившимся из них ровным гомоном голосов и соблазнительными запахами, атрибутами какой-то другой, взрослой и очень соблазнительной жизни. Конечно, знаменитое заведение «Воды Лагидзе», где всегда теснился народ перед стойкой с высокими узкими баллонами разноцветных сиропов.

Театры были интересны все – даже те, в которых я не бывал ни разу. Интересны были самые афиши с теми названиями, которые в них фигурировали, не говоря о фотографиях сцен из спектаклей, выставляемых в витринах. Кинотеатры – в них-то я побывал во всех, и по многу раз. Музей – собственно, только один музей, но стоивший десятка, громадный Музей истории Грузии, который был неисчерпаем, и я исходил его (правда, уже позднее) сверху донизу, упиваясь уже хорошо знакомым и восторгаясь вдруг открытым. Да еще Картинная галерея, где время от времени устраивались разные выставки. Какие-то учреждения – разнообразные и почтенные, а порой и очень нужные, вроде Дома связи, где не раз приходилось бывать по делам, вроде отправки бандероли или заказного письма.

Мир, с которым сталкивался я на проспекте Руставели, был миром представления – миром витрин, афиш, анонсов, вывесок, и потому в нем особенно сильно обнаруживалась двойственность мира вообще, который разделялся на

«это» – представляющее нам, доступное, понятное, и «то» – скрытое, существующее вне восприятия и являющееся нам в слабых намеках, которые нуждаются в разгадке. Такое ощущение давно возникало во мне и при выходах в большой мир подтверждалось, даже усиливалось, возникая на каждом шагу. Скажем, театральная касса – с ее бойницей, пробитой обычно в толстой массивной стене, с неестественно стесненным пространством и неестественным же расположением кассира, чья голова почему-то оказывается гораздо ниже твоей, с собственным внутренним освещением, со всем тем немногим, что можно уловить жадным взглядом, с таинственным исчезновением кассира где-то там, в вожделенной глубине театра. Разве это не окно в «тот» мир, загадочный и закрытый? Не забуду никогда одну такую кассу, правда, кассу не театра, а кинотеатра, но это не важно. Это тоже была скупая лазейка в «тот» мир – с таинственной аппаратной, с крохотным квадратным окошечком в стене, из которого конусом вырывался дрожащий луч света, порождавший на экране волнующие видения, с его витринками, в которых словно сами собою в какой-то недоступный мне миг менялись афиши: сегодня одна, а завтра уже другая?! Заглянув внутрь, можно было увидеть на стене, за спиной кассирши множество афиш, преимущественно старых – и тех фильмов, которые я успел увидеть сам, и тех, о которых что-то слышал, и каких-то совсем давних, о которых даже не слышал. Некоторые выглядывали из-под других – обрывком слова, куском рисунка. Свидетели иной, «той» жизни, давно канувшей, напоминавшие о ней, за-

Пантеон на горе Мтацминда

мурованной под ними. И я вглядывался в них, пытаясь уловить ее сигналы. «Тот» мир давал о себе знать и в местах как будто совершенно обыденных. Что-то непостижимое было в почтовом отделении. Письма и посылки возникали «оттуда» – не столько из-за прилавка, сколько из-за двери, ведущей в некое загадочное место, куда они как-то попадали. С «Почтой» Маршака я познакомился очень рано, но это не мешало мне всерьез воображать, что письмо, опущенное в почтовый ящик, не лежит там, дожидаясь «выемки», а, шурша и расталкивая своих собратьев, спешит в нужном направлении. Смутно виделось нечто вроде гигантской пневмопочты (о которой я тогда понятия не имел), соединяющей все без исключения отделения связи. Наверно, городская жизнь с ее разделенностью и специализированностью вообще сильнее провоцирует чувство «того» мира, чем жизнь деревенская. Ведь что-то очень большое и сложное должно существовать в городской жизни, чтобы поддерживать ее, чтобы можно было бы нажатием пальца осветить комнату или добыть воду из стены. Верно, я был очень уж городским ребенком. Смешно вспомнить, уже довольно большим я вдруг сообразил, что пиво, льющееся в кружку, попадает сюда просто из бочки, стоящей за спиной продавца, а не из системы труб, соединяющих кран с пивным заводом. Любой

Театр оперы и балета им. З. Палиашвили

магазин – от роскошного гастронома до затрапезной лавочки – тоже норовил обернуться своей открытой, явленной стороной, оберегая сторону иную, тайную. Продавцы за своими прилавками выставлялись, как актеры на сцене, но, оставаясь служителями «той» жизни, время от времени исчезали за кулисами в нутре магазина, чтобы потом снова появиться и часто со свежим реквизитом, извлеченным «оттуда». По-своему загадочна была и аптека – одна из тех старых аптек, которых немало сохранялось во времена моего детства. Холодные плитки каменного пола, легкий аромат чего-то неуловимого (то ли валерианки, то ли капель датского короля), массивный прилавок резного дерева, полки, уставленные разнообразными склянками, над которыми, как флаги, косо торчали длинные ярлыки: – белые (для внутреннего употребления) и желтые (для наружного), тихие до шепота голоса – все это было декорацией, скрывавшей и достойно представлявшей святилище, находившееся за не до конца открытой дверью, откуда появлялся озабоченный и серьезный жрец-провизор. Или – больница с ее приемным покоем, где провожали несчастных, обреченных перейти «туда», и с решеткой больницы садика, за которой уже можно было видеть их, перешедших в новое состояние – бледных, медлительных и странно одетых обитателей «того» мира. Это было освоение большого мира и, как всякое начальное освоение, оно было мифологическим, строилось на вымысле и домысле, на аналогии с уже известным. Однако я забежал слишком далеко вперед, к тому времени, когда получил кое-какое право свободно передвигаться по городу. Пока же я был маленьким мальчиком, которого при переходе через улицу всякий раз положено было крепко брать за руку, которому уходить от дома разрешалось не далее, чем до ближайшего угла.

Фото Д. Смирнова и Р. Луценко. 1960-е годы

АНАИТ (АНАИДА) БОСТАНДЖЯН

Ночью 8 января 2017 года в Тбилиси скончалась известная поэтесса Анаида (Анаит) Бостанджян. За свою не очень-то долгую жизнь – родилась в 1949 году – она успела сделать очень многое. Талантливый, одаренный литератор, общественный деятель. Она была председателем общественно-литературной организации «Камурдж» («Мост») и выпускала одноименный объемистый альманах (более 400 стр.) на армянском и грузинском языках.

Поэт, прозаик, переводчик с армянского на грузинский и с грузинского на армянский – ей принадлежат переводы двух значительнейших произведений грузинской литературы «Шел по дороге человек» и «Годори» О. Чиладзе, – автор 45 книг, оригинальных и переводных.

Анаида Бостанджян удостоена Ордена Чести Грузии и Ордена Мовсеса Хоренаци Армении, совместной премии Союза писателей и Патриархата Армении «Кантех 2015», звания «Посол грузинской культуры», руководитель армянской секции СП Грузии, в США была избрана почетным членом Союза армянских писателей Сан-Франциско.

P.S. В Москве вышел сигнальный экземпляр книги ее стихов «Когда душа поет и плачет», из которой мы представляем подготовленную при ее жизни подборку.

Камилла Мариам КОРИНТЭЛИ

ОДА ТБИЛИСИ

В Тбилиси родилась я;
Здесь солнце первый лучик
Уронило на меня;
Здесь напиталась я водами Куры,
И каждый Божий день ее водою
Дарю прохладу жаждающим сердцам;
Трезвоны колоколен храмов древних
В душе моей здесь пробудили веру;
Здесь пышная красавица Мтацминда –
Гора Святая радует меня,
И крепость Нарикала
Мне с высоты шлет свет веков
Здесь в семицветном радуги сияньи
Деревьев корни жизнь мою питают,
Пурпурное вино здесь льется мыслью:
Что это – опьянение или чудо?
Найди различье, если сможешь...
Здесь слово первое
Армянское произнесла я
И обрела Маштоца алфавит,
Пленилась здесь полетом душ великих
Армян из Ходживанка,
Здесь копила
Я пламенную грусть-тоску свою...

О, мой Тбилиси – город мой любимый:
Ты – мой рассвет и мой горячий полдень,
Ты – песня на моих устах,
Ты – радуга вселенская моя!

Перевод Евы Ташир

ДОРОГИ ДЕДА И ЕГО ЗАВЕТ

1.
Пред кончиною дед
в воздухе пальцем чертил
некий путь.
Говорил мне: дитя мое,
эта дорога
ведет прямо в Карс,
и потом мысленно
обходил Карс,
преступал порог
дома отчего,
сладким сном засыпал
на старой тахте...
2.
Был еще один день:
дед чертил
путь знакомый ему,
говоря мне: дитя мое,
эта дорога ведет прямо в Карс,
а из Карса в Тифлис...
И, когда
возвращалось сознание к нему,
вновь чертил
путь родной ему
в ту страну,
что для дедушки
матерью стала,
теплым приютом...
А когда уже
дед умирал,
он нам устами дрожащими

свой завет передал,
чтобы Грузию мы любили,
как мать свою, как свое дитя,
даже если в Армении
будем жить.
Этот деда завет
не забыть мне вовек.

Перевод Михаила Ананова

СЧАСТЬЕ

«Я счастье!» –
послышалось мне в трубке
на вопрос «Ты кто?»
«Нет, настоящее скажи мне имя,
ни голосу, ни слову не верю твоему!»
«Клянусь:
Я – счастье,
разве кто-то есть еще с похожим именем?»
и голос повторил:
«Я – счастье.
В существование мое
должна ты верить».
«Но где же ты тогда?
(во мне искрится будто свет!)»
«Да я везде,
во всех сердцах, что верят
в существование мое,
ко мне стремятся...»
«Приди ко мне, прошу,
иль сделай так, чтоб я к тебе пришла!»
«Я тоже тебя прошу,
зову к себе...
И вот тебе мой адрес:
обитель Веры,
Магистраль мечты.
Поверь – и ты без адреса придешь...»
И голос смолк.
Лишь эхо повторяло последние слова.
И пламенные струйки веры
по спальне разлились моей,
чтоб привести меня
в обитель Веры!

Перевод Камиллы Мариам Коринтэли

МОЕ БЫТИЕ

Вопросы старинные, думы дремучие,
мука седовласая...
На лбу моем – пот,
в зеркале –
треснутого сердца отражение...
Вас как называть
и как обуздать вас –
вырвавшаяся из западни,
незваная усталость моя
и безликая скука,
что упорно стараетесь слиться со мной,
с той, которая не приняла вас!
Твердолобые,
невидимыми руками, ногами
ломитесь в мысли мои,

в сердце и душу!
Я же впряглась в мои думы,
я согбена от многих забот...
Зачем вы приходите? Почему?
Усталость моя велика.
Лишь сердце мое пламенеет,
треснувшее сердце...
Зачем вы приходите? Почему?
И разрушаете стены
горящего сердца!
Но от пламени сердца
один язычок, пылая,
бежит к мозгу –
может, стоит чего-то
мое бытие?..

Перевод Камиллы Мариам Коринтэли

СЕСТРЕ МОЕЙ МАКВАЛЕ

Свято каждое слово
из уст Господних!
Нам с тобою знакома
магия слов!

Услышит Господь звучанье
слов на двух языках,
что, как молитва, сказаны
от века и на века.

Слово – души отрада,
Слово – цветущий сад,
Слово – бальзам целебный,
Силе слова – хвала!

Вначале ведь было слово!
Слово – начало всего!
Два языка для нас
Оба стали святыней.

Петь хочу песнь бессмертия
Я на твоём языке!
Язык – подарок от Бога,
Его мы должны беречь.

Поэзии слов ворожея,
моя грузинка – сестра,
имя твое Маквала
сладостью отдает!
Пусть тебя украшает,
сердца тепло, доброта,
слову твоему желаю
солнца – везде, всегда!

Перевод Камиллы Мариам Коринтэли

ИКОНА ГРУЗИНСКОГО КИНО

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

Мягкий, женственный образ. Тонкие, аристократические черты лица, красивая шея, украшенная ожерельем, шаль, наброшенная на обнаженные плечи, изящная шляпка (кстати, Серго Параджанов посвятил ей серию головных уборов) и взгляд, устремленный вдаль... наверное, в наши дни. Такой увидел великую грузинскую актрису Нато Вачнадзе скульптор Леван Вардосанидзе. Вероятно, кто-то представляет звезду кино иначе – сколько людей, столько и мнений. Но факт остается фактом: на Старый Новый год, в День грузинского театра долгожданный памятник был наконец установлен у Тбилисского театра киноактера имени Михаила Туманишвили (и буквально в нескольких метрах от скульптуры режиссера) и «Госкинпрома» (так в 1923 году называли кинематографический трест, в 1938 году переименованный в Тбилисскую киностудию). Место, что и говорить, важное и историческое... Вот как его описывает в своей документальной повести «Жил-был Параджанов» Гарри Кунцев: «Старая киностудия» – красивое, стройное здание, в котором рождались все шедевры грузинского кино, из ворот которого на любимый тбилисцами уютный, очень свойски-домашний проспект Плевахова выходили после съемок Нато Вачнадзе и Дудухан Церодзе – истинные звезды еще немного, еще неловкого, но уже такого смелого и рискованного экрана, и весь транспорт по восхищенному требованию пассажиров останавливался, пассажиры принимали к окошкам трамваев, провожая влюбленными взглядами своих кумиров, а мужчины, которым посчастливилось в тот момент оказаться в непосредственной близости от этих женщин, гордо выпрямившись, замирали, скло-

Памятник Нато Вачнадзе

нив голову и приложив руку к сердцу, показывая этим остальному миру, что они готовы весь этот мир по первому же знаку грузинских красавиц положить к их ногам немедленно и целиком».

Из воспоминаний Дмитрия Шварца:

«Изумительная Нато Вачнадзе. Мама Георгия и Эльдара Шенгелая, режиссеров-классиков грузинского кинематографа. Еще во время учебы в ГИТИСе, посмотрев «Арсена» Чиаурели, я был потрясен ее внешностью. Позже пересмотрел все, что смог найти, вплоть до самых первых немых фильмов с ней – понятия «харизма» тогда не существовало, но ее облик завораживал, от экрана нельзя было оторваться. Какое дивное лицо и какая трагическая судьба!» Среди тех, кого покорила красота Нато Вачнадзе, был и русский поэт Арсений Тарковский...

Вачнадзе создала около 30 лирических кинообразов, принесших ей оглушительный успех... Однако в последние годы актриса, чувствуя, вероятно, творческую неудовлетворенность, заинтересовалась документальным кино, работала ассистентом режиссера и освоила профессию монтажера... Увы, свободный полет Нато Вачнад-

зе был прерван – она погибла в авиакатастрофе.

В день открытия памятника на историческом месте собрался цвет грузинской творческой интеллигенции.

Кинорежиссер Лана Гогоберидзе:

– Открытие памятника – явление знаменательное. Нато Вачнадзе олицетворяет собой самое начало, зарождение грузинского кино. То, что сейчас открывается памятник ей, причем прямо перед старой киностудией, которая в принципе уже не существует, пробуждает ностальгические настроения. Всегда хорошо помнить и отдавать дань тому, что было, и что было прекрасно. А Нато Вачнадзе действительно олицетворяет собой прекрасное для каждого грузина – и не только грузина!

Режиссер Кети Долидзе:

– Это очень важное событие, особенно для молодежи, которая должна помнить своих настоящих героев. И Нато Вачнадзе была героиней... героиней экрана, героиней нашей жизни. Самая красивая, очаровательная, талантливая – символ. Звезда грузинского кино! Нато лично летала

В центре скульптор Леван Вардосанидзе

Деятели культуры на открытии памятника

в Москву для того, чтобы получить разрешение на строительство этого большого павильона киностудии, равного которому в СССР не существовало – даже на «Мосфильме» такого павильона не было. Это, конечно, связано с именем Наты Вачнадзе. Нато Вачнадзе – личность совершенно неординарная. Невероятно добрая, необыкновенная! Я знаю это от отца, кинорежиссера Сико Долидзе. Даже по сохранившимся кинокадрам видно, что именно он был главным организатором ее похорон. Мои родители и Нато Вачнадзе были очень близкими друзьями! Я рано потеряла мать... После ее ухода Нато вскоре тоже не стало. Помню, что после кончины мамы она относилась ко мне с необыкновенной нежностью, вдвойне выражала свою любовь. Вачнадзе была просто членом нашей семьи... Когда случилась трагедия, большое горе постигло всех, кто любил ее. Нато сгорела в небе... и осталась в бессмертии.

Киновед Дали Окропиридзе:

– Нато Вачнадзе – ни с кем не сравнимая звезда грузинского кино. Легенда немого кино, которое обусловило дальнейшее развитие грузинского кинематографа. Нато Вачнадзе успешно снималась как в немом, так и в звуковом кино. Открытие этого памятника – большая победа грузинской культуры. Такие проекты – это выражение огромного уважения к тем, кто создавал грузинскую культуру. Я счастлива и горда тем, что у нас была такая мегазвезда!

Специальный представитель премьер-министра Грузии по связям с РФ Зураб Абашидзе:

– Нато Вачнадзе – это легенда, фигура мирового уровня в ряду выдающихся кинозвезд!

Кинорежиссер Эльдар Шенгелая – сын Нато Вачнадзе:

– Для меня и моего брата Георгия Шенгелая открытие этого памятника – исполнение давней, выношенной мечты. Так что у нас сегодня по-настоящему счастливый день! Фильмы с участием мамы не могу смотреть без слез...

Первые шаги в большом футболе. Михаил Месхи против защитника московского «Спартака»

ПРОФЕССОР «ФИНТОЛОГИИ»

■ Демико ЛОЛАДЗЕ

Перевод Елены Галашевской

«Профессор «финтологии» – так назвал в 1964 году известный российский спортивный обозреватель Юрий Ваньят неугасимую звезду футбола Михаила Месхи, чьи неожиданные финты, сильнейшие удары по воротам помнят и сегодня не только грузинские любители футбола, но и болельщики разных стран.

«Месхи! Месхи! Месхи!..» – от таких возгласов сотрясался тбилисский стадион, где начал свою карьеру М. Месхи. Эта волна перешла и на спортивные арены больших городов всего мира, когда играл этот «король финтов», показывая футбольный спектакль.

После внезапной смерти Михаила Месхи в русской и грузинской прессе печаталось огромное количество материалов, посвященных легендарному левому крайнему. Не в обиду будет сказано, но в Советском Союзе, в этой огромной империи, ни об одном спортсмене не появлялось столько публикаций, телепередач, не считая разве что вол-

шебника поля Эдуарда Стрельцова, так называемого «Есенина футбола».

Любители спорта в Грузии и за ее пределами более пятнадцати лет ходили на стадион, как ходят в театр или кино, чтобы насладиться великолепным мастерством актера, чтобы лицезреть уникальное явление в футболе – игру Михаила Месхи.

Михаил Месхи при жизни стал легендой. Тысячи поклонников запомнили его как великого мастера, который своей виртуозной игрой дарил неповторимую радость.

Представляем нашим читателям несколько эпизодов из спортивной жизни известного футболиста, которому 12 января 2017 года исполнилось бы 80 лет.

Первое выступление в составе тбилисского «Динамо» за первенство СССР

7 июля 1955 г. в Киеве М. Месхи первый раз выступил в основном составе «Динамо» Тбилиси против местных одноклуб-

ников. Легко представить, как волновался 18-летний юноша, которому доверили игру в матче. Успокоил его Автандил Гогоберидзе – совесть нашего футбола: советы капитана команды, опытного игрока очень поддержали юношу. В какой-то момент игры Месхи проскользнул мимо трех защитников, передал мяч Гогоберидзе и тот, не растерявшись, забил гол. Автандил поднял большой палец: «Так и надо! Продолжай в том же духе!»

Первая международная встреча, или как родился «финт Месхи»

Первая международная встреча в составе «Динамо» состоялась 6 октября 1956 года в Болгарии, где тбилисцы играли с «Динамо» Софии. Эта страна запомнилась Месхи тем, что именно там увидел финт, который, по словам А. Гогоберидзе, усовершенствовал и впоследствии каждый раз мастерски использовал.

Во время игры левый крайний хозяев поля использовал против

нашего правого защитника Владимира Элошвили очень эффективное и необычное обманное движение, которое не давало покоя Михаилу Месхи. На следующий день он с Элошвили постарались восстановить и отработать этот прием. Но во время интенсивных тренировок Месхи непроизвольно использовал движение не так, как советовал Элошвили, и результат получился неожиданным. Чтобы не потерять эту случайную счастливую находку, Месхи многократно использовал ее. Тренер команды Гайоз Джеджелава был поражен, когда Месхи в игре использовал новое движение. Финт оказался прекрасной находкой, и сделал стиль Месхи неповторимым. Он стал таким неординарным и оригинальным форвардом, что термин «финт Месхи» вошел в азбуку футбола.

Первый выход в составе сборной СССР

Это произошло 6 сентября 1959 года в Москве на матче сборных СССР и Чехословакии. На 4-й минуте овладев мячом, А. Иванов точно передает его Федосову. Удар по воротам! Вратарь в броске отбивает мяч, но подошва Бубукин спокойно бьет в сетку ворот. Гол! На 34-й минуте первого тайма знаменитый Иванов подал мяч с углового, и Месхи сильным ударом послал его в верхний угол ворот. На 19-й минуте второго тайма Месхи, прекрасным дриблингом выйдя на свой фланг, подает пас Иванову, и матч в итоге завершается победой сборной СССР 3:1. Михаил Месхи стал героем матча.

Мало у кого был такой дебют. Как только мяч оказывался у Месхи, стадион взрывался аплодисментами и возгласами. После игры болельщики подхватили Месхи на руки, подбрасывали в воздух, не давали сесть в автобус. Вокруг только и слышалось: «Месхи! Месхи!»

Пресса широко осветила встречу. Газета «Шпортэхо» опубликовала статью под заголовком: «Месхи – новый талант». В прессе появилась рецензия с оригинальным названием: «Бо-

лельщики кричат: «Месхи, Месхи!» «Левый крайний сборной СССР – футболист, обладающий большим талантом. У этого очень техничного и быстрого нападающего есть все данные, чтобы завоевать видное место в футболе».

Через несколько лет кумира многих тысяч болельщиков пригласили в сборную мира. Но об этом ниже.

Вне «Матча века»

В 1963 году в связи со столетием футбола ФИФА провела «Матч века» в Англии как на родине футбола – этого красивейшего вида спорта – сборная мира против сборной Англии. В состав сборной мира, которая должна была сыграть против сборной Англии, были приглашены мировые звезды футбола. Команда хозяев, в которой принимали участие признанные звезды, была в те годы одной из сильнейшей в Европе. Свою силу они подтвердили через несколько лет, когда записали блестящую страницу в историю своей команды – впервые стали чемпионами мира. До сегодняшнего дня этот успех не повторен.

23 октября на лондонском стадионе «Уэмбли» под руководством

известного чилийского тренера Фернандо Риера были собраны все футболисты, которые внесли огромный вклад в развитие футбола. В их числе должен был быть и Михаил Месхи. Ему было послано официальное приглашение, но руководители советского футбола того времени не дали ему возможность провести главный матч в жизни.

Известный чешский футболист Йозеф Масопуст был огорчен, что не смог сыграть в одной команде с Месхи. На тренировочной базе на окраине Лондона все приглашенные футболисты задавались вопросом: «Почему не приехал Месхи?»

По словам журналиста Мартына Мержанова, авторитетной в футбольном мире личности, Федерация футбола не дала рекомендацию Месхи, посчитав, что на данный момент он не в спортивной форме. По этой причине помешали нашему соотечественнику выступить в команде звезд мира. Зато в столицу Великобритании полетели высокопоставленные советские чиновники.

Мы вспомнили этот факт потому, что в спортивной биографии выдающегося грузинского футболиста таких эпизодов было множество. Без утайки можно ска-

Три звезды советского футбола: Михаил Месхи, Валерий Воронин, Лев Яшин

3 июля 1965 г. Москва. Гарринча и Месхи

зять, что «благодаря» некоторым личностям Михаил Месхи рано ушел из большого футбола. Андро Жордания принимал близко к сердцу такое несправедливое отношение к его воспитаннику. Он считал, что тогдашнее руководство Спорткомитета и тренеры «Динамо» специально не выводили Месхи на поле, чтобы приучить болельщиков к мысли, что футболист уже исчерпал свой потенциал.

16 июля 1969 года Михаилу Месхи устроили проводы в товарищеском матче «Динамо» с уругвайским «Насьоналем». Согласно сценарию левый крайний должен был отыграть первый тайм, и сделал он это блистательно. Когда в перерыве динамовцы подняли своего партнера на руки и под овации публики совершили круг почета, тренер гостей решил, что в СССР принято так приветствовать лучших футболистов. Когда же ему объяснили, в чем дело, он недоуменно развел руками: «Как? Он уходит, а эти – остаются?»...

Не забуду в этот день на стадионе «Локомотив» (сегодняшнем стадионе им. М. Месхи) реакцию трибун – бурные аплодисменты, овации и плачущая публика, оглушающий свист, так зрители выразили недовольство теми, кто вынудил Месхи так рано уйти из большого спорта.

Известный художник и писа-

тель Элгуджа Бердзенишвили признавался, что после прощальной встречи Месхи с «Насьоналем» он больше не ходил на футбол.

Много чего можно еще вспомнить. Например, встречу с бразильской «Баия», когда защитник гостей Сантос ничего не мог поделаться с Месхи, просто подхватил его на руки и прижал к груди.

Не футбольное счастье

Супруга Месхи Кетино как-то сказала, что Миша был счаст-

ливчиком и привела пример: он у всех выигрывал в нарды: «Однажды играл с прорабом из Самегрело. Чтобы выиграть, ему нужны были кости «панджи се» (пять-три). Так и произошло. Противник не засчитал и попросил еще раз бросить кости. Опять выпало «панджи се». Потом он потребовал принести стакан и бросить кости из него. И снова – «панджи се». Обезумевший прораб выбежал из дома».

Несмотря на то, что на протяжении всей спортивной деятельности с Месхи обходились нечестно, он все-таки был счастливчиком – его имя осталось в истории спорта навсегда.

О чем болит душа

4 июля 1965 года в Москве дважды чемпион мира сборная Бразилии в товарищеской встрече обыграла хозяев поля 3:0. С трибун за матчем наблюдал Эдуард Стрельцов, и никто не знал, о чем он думал. Какое незабываемое зрелище было бы, если в сборной СССР в нападении вместе выступали бы Слава Метрели, Валентин Иванов, Эдуард Стрельцов, Михаил Месхи! Ирония судьбы в том, что Месхи ни разу не сыграл со Стрельцовым в сборной.

Острый момент. Фото Гурама Тиканадзе

Вспоминает Михаил Месхи

В конце 1965 года сборная СССР отправилась в Южную Америку на встречи со сборными Бразилии, Аргентины и Уругвая. На огромнейшем стадионе «Маракана» товарищеская встреча закончилась со счетом 2:2. Я участвовал только во втором тайме. В одном из эпизодов игры оказался рядом с Пеле, я стоял спиной, получил мяч, повернулся, Пеле оказался передо мной. Я сделал ложное движение и пустил мяч между ног Пеле. Он оторопел, бросился за мной, запрыгнул мне на спину и

Проводы из большого футбола. Тбилиси. 16 июля 1969 года

начал целовать. Несколько метров он прокатился на моей спине. После этого судья назначил штрафной.

Этот эпизод запомнился сенатору Роберту Кеннеди. После окончания встречи он, в окружении полицейских и нескольких охранников, зашел к нам в раздевалку. Ему что-то нашептали и сенатор подошел ко мне. Фото-репортеры зафиксировали момент рукопожатия. Копия этой фотографии до сих пор украшает мою квартиру.

Лев Филатов о Месхи

Я любил Михаила Месхи. Писать о нем всегда доставляло удовольствие. Он был не только большим футболистом, но и большим человеком. Много рассказывал мне того, чего не было

И. Численко, М. Месхи, Э. Дубинский, А. Масленкин, В. Иванов, А. Мамыкин Г. Чохели

видно с трибун. Как журналист я многим обязан Месхи. Я много времени провел с ним один на один, хотя он был известен своим немногословием. При других не любил говорить. А наедине он всегда открывал душу собеседнику. Миша Месхи был одним из немногих, кого я любил всей душой.

Одни (автор этих строк в том числе) готовы были идти на стадион только ради того, чтобы полюбоваться его изощренным мастерством обманных движений, хитрых петель, необыкновенно мягкого паса. Месхи норовили причесать под стандартную гребенку, требуя невозможного – чтобы он, сохранив все свои достоинства, приобрел качества других футболистов.

Вместо эпилога

Я близко познакомился с Михаилом Месхи, когда готовил первую книгу о нем. Он оставил впечатление человека скупого на слова, хотя после первой же беседы я был очарован его остроумием. Он предстал передо мной таким, как его знаменитый финт. Помню, как он своей игрой обескураживал противников на мировых стадионах. Месхи было трудно в играх не потому, что на каждой встрече его опекунов тренеры специально предупреждали: «Внимательно следите за Месхи!», но и центральным защитникам давали особое поручение подстраховывать правую сторону.

Трудность состояла еще и в том, что ему приходилось бороться с тренерами из-за своей манеры и стиля игры, тренеры пытались посадить его игру в общий стандарт, а футболист всем своим существом противился и добивался своего.

Месхи своей игрой создавал неповторимую красоту. Его каждое движение становилось объектом восхищения болельщиков. В грузинском футболе, где наблюдается стремление к индивидуальному мастерству и уважение к техническим способностям игроков, Месхи был ярким явлением. Своей игрой он изумлял противников, зрителей и южноамериканцев, которые как никто могут оценить личное мастерство и красоту игры футболиста.

Манера игры Месхи всегда была причиной споров, так как он был личностью в футболе. Если вспомним слова одного журналиста: «Прогресс в нашем футболе начался тогда, когда появились оригинальные игроки, которые своей манерой оставляли глубокий след в стиле игры команды». Михаил Месхи относится к таким ярким футбольным индивидуальностям. Его талант занял особое место в нашем футболе.

Надеюсь, что в грузинском футболе появятся новые блестящие звезды, но бесспорно и то, что когда составят идеальную сборную «Динамо» Тбилиси, 11 номер всегда будет принадлежать Михаилу Месхи.

НОВОГОДНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАРЛСОНА

■ **Нино ЦИТЛАНДЗЕ**

Премьерой спектакля «Новогодние приключения Карлсона» театр Грибоедова открыл свой ежегодный новогодний марафон.

Всеми любимый, в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил, да еще с гудящим пропеллером и морем обаяния появился в Грибоедовском театре. Долгожданная новогодняя премьера обернулась настоящим праздником. Этого Карлсона ждали все.

Музыкальное представление по мотивам повести Астрид Линдгрен поставил режиссер Левон Узунян. Сценография и костюмы принадлежат художнице Тео Кухианидзе. Это веселая, смешная, добрая и трогательная

постановка сразу полюбилась всем зрителям.

В основу спектакля легла заключительная часть всемирно известной трилогии о Карлсоне, который живет на крыше (его блестяще исполнил Михаил Арджеванидзе), и его лучшим другом – мальчишке по прозвищу Малыш (открывшаяся новой гранью таланта Мариам Кития). Друзей в спектакле ждут веселые и волнующие приключения. Они ловят воришек Филле (Василий Габашивили) и Рулле (Мераб Кусикашвили), перевоспитывают ворчунов фрекен Бок (Нана Дарчиашвили) и дядюшку Юлиуса (Олег Мчедлишвили), которые неожиданно обретают долгожданное семейное сча-

стье и доказывают Маме (Инна Воробьева) и Папе (Арчил Бараташвили), что дети могут справляться с трудностями. Ну а в финале Карлсон получает самую большую награду.

С 24 декабря по 9 января в ежедневном режиме грибоедовцы представили свои лучшие детские спектакли – «Маугли», «Новую Рождественскую сказку», «Морозко», «Золушку» и «Конька-Горбунка».

По сложившейся доброй традиции, юные зрители не только посмотрели яркие, зрелищные, музыкальные постановки, но и благодаря Союзу «Русский клуб» и Международному благотворительному фонду «Карту» получили подарки – набор сладостей самого лучшего качества российских производителей и новое издание из серии «Детская книга». На этот раз – «Мойдодыр» и «Тараканище» Корнея Чуковского – оригинально оформленное молодой художницей Мананой Кобахидзе издание. В книжку включен русско-грузинский словарь. Седьмой год подряд МКПС «Русский клуб» в серии «Детская книга» выпускает адаптированные издания для юных грузиноязычных читателей, которые пользуются у них неизменным успехом.

Всего за время новогодних каникул детские спектакли посмотрели более двадцати тысяч зрителей.

Воспоминания

■ Ганна ЭЛИАВА-МАЛИЕВА

Безоблачная юность автора мемуаров Ганны Георгиевны Элиава-Малиевой резко оборвалась в возрасте 23 лет в день ареста родителей Амелии (Мелании) Воль-Левицкой и Георгия Элиава. В оставленной ей неопечатанной комнате с ней оставался муж, но их медовый месяц и два последующих она провела в слезах и в тюремных очередях, пытаясь передать родителям хоть что-то с воли и получить взамен скудную информацию, из которой правдой было лишь то, что они пока живы. Это был проклятый 37-й год. За месяц до защиты диплома (Ганна собиралась стать геологом) ее арестовали как дочь «врагов народа».

После 9 лет заключения и карагандинских лагерей ей, пережившей там рождение и гибель двухмесячного младенца и смерть родителей, все еще не разрешалось проживание в столице, поэтому в Тбилиси она приехала всего лишь в отпуск, проведя в пути около месяца. Шел 1946 год, ехать приходилось с бесконечными пересадками, штурмуя редкие составы поездов, да еще и малярия замучила в дороге. Я не была знакома с

Ганной тех лет, но я уверена, что обратной дороги она бы не выдержала. Многие «друзья дома» трусливо переходили на другую сторону, завидев бывшую политзаключенную. Жить было негде, так как 3-комнатную квартиру на ул. Читадзе конфисковали. Она ютилась у родственников, пока за ее спасение не взялась семья ближайшей подруги Татьяны Александровны Твалчрелидзе, которая не только предоставила ей кров, но и упросила своего отца, основателя института геологии Грузии академика Александра Антоновича Твалчрелидзе взять Ганну на работу в библиотеку, а позже ходатайствовать перед «отцом народов» о предоставлении ей права на проживание в Тбилиси, так как она являлась ценным работником. Следует помнить, что подобное ходатайство могло стоить Александру Антоновичу карьеры, а возможно и свободы, ведь реабилитацией еще и не пахло, а он был слишком заметной фигурой, поэтому и риск был велик. Копия этого письма хранилась в нашей семье, как реликвия. Оно дало Ганне возможность остаться и встретить любовь всей своей

жизни – моего отца, Юрия Миневича Малиева, да и я родилась в той самой комнатке, которая была подарена маме ее лучшей подругой Танечкой. 14 лет огромного счастья с моим отцом судьба все-таки приготовила для мамы, однако в 53 года ему было суждено умереть от рака.

Ганна Георгиевна была очень добрым, отзывчивым человеком, и я до сих пор удивляюсь, как ей удалось, перенеся все эти тяготы, не озлобиться. Она заведовала библиотеками в разных НИИ, имела частных учеников по французскому и английскому и до конца жизни делала записи, мечтая увековечить имена своих выдающихся родителей – примадонны Варшавской и Тбилисской оперы Мелании (Амелии) Воль-Левицкой и основателя Института бактериофага, известного микробиолога Георгия Элиава.

Последним подарком судьбы было рождение внука Дмитрия в 1974 году, в которого она вложила всю душу.

Скончалась мама в ноябре 1997 года в возрасте 84 лет.

Наталья ДЕВДАРИАНИ

Амелия (Мирра) Воль-Левицкая

Часть I

МАМА

Маленькая Амелия (Мирра) Воль-Левицкая появилась на свет божий в 1885 году в Варшаве, в семье скромного бухгалтера Станислава Воль-Левицкого. Девочка родилась через 13 лет после рождения брата Натана. Матери уже было 52 года, роды были тяжелые, после чего она слегла на восемь лет. В доме хозяйничали старшие сестры Зося и Стефания.

Рассказывают, что петь она начала раньше, чем говорить – вероятно, за отсутствием внимательной, ласковой собеседницы. Работяга-отец безропотно целыми днями корпел над работой, чтобы как-то обеспечить семью.

Когда Амелия пошла в гимназию, отец не смог купить ей учебники! Она их одалживала у одноклассниц и ухитрялась выучить задание, просмотрев его на перемене перед уроком. Девочку, очевидно, выручали редкие способности. Тяга к

музыке у нее была врожденная – решено было обучать ее игре на фортепиано. Инструмента в доме не было и заниматься музыкой ей приходилось у чужих людей. Очень самолюбивая, она вскоре отказалась от занятий.

Гимназию Амелия закончила в 15 лет на большую серебряную медаль. Несмотря на крайне неблагоприятные домашние обстоятельства, она заслуживала по своим успехам золотой медали, но препятствием к этому явилось ее вероисповедание.

В гимназии, наравне с научными дисциплинами, преподавали салонные танцы, и Амелия была общепризнанной “прима-балериной”, в совершенстве изучила русский и французский языки. Таким образом, 15-летняя девушка из “гадкого утенка” превращалась в прекрасного лебедя, однако ее твердое намерение обучаться вокальному искусству вызвало бурное возмущение матери, властно подчинившей все семейство. В результате Амелии было сказано, что скорее ее выгонят из дома, чем разрешат навлечь такой позор на голову порядочного семейства, ведь в то время актриса приравнялась к женщине легкого поведения!

К тому времени брат Натан был уже женат. К счастью, невестка Хеля с первого взгляда буквально влюбилась в Амелию и единственная во всей семье (с молчаливого согласия мужа) решительно стала на ее сторону. Она взяла к себе свою любимицу и помогла ей получить вокальное образование.

Пению Амелия училась в Германии (у известного профессора Фон-цур Мюллен Шенау, который, услышав ее, сразу же предложил ей остаться у него и обучал безвозмездно. За год она также усовершенствовала знание немецкого, однако в связи с кончиной отца занятия пришлось прервать – Амелия вернулась в Варшаву, где Хеля устроила ее в частную школу пения пани Соболевской. (Государственных школ тогда не было). Ученицы этой школы выступали на концертах. Амелия пользовалась большим успехом. Красивое лирико-драматическое сопрано, необыкновенно выразительное и музыкальное пение, а также прекрасная внешность: высокая, стройная (“королевская стать”), с интересным красивым лицом (огромные серо-зеленые глаза, темные волосы, белоснежная кожа, жемчужные зубы), обаятельная улыбка – сразу же покоряли слушателей.

На одном из концертов режиссер Варшавской оперы Николай Левицкий предложил Амелии выступить на оперной сцене. Она отклонила лестное предложение, так как, будучи очень требовательной к себе, сочла, что ей пока это будет не по силам. Вскоре она приняла предложение дочери известного варшавского хирурга Слубицкой, меломанки, которая пригласила ее в свой дом в окрестностях Лондона с целью совершенство-

вать свое искусство у лондонского профессора пения. К сожалению, выяснилось, что Слубицкая не спешит выполнять свои обещания, предпочитая иметь Амелию в своем распоряжении в роли компаньонки, так как она наслаждалась ее пением и сама была неплохим музыкантом. Тем не менее шесть месяцев пребывания в Англии оказались достаточным сроком для того, чтобы Амелия в совершенстве овладела английским языком.

Вырвавшись от своей меценатки, она вернулась к брату в Варшаву, где возобновила свою деятельность и снова встретила Левицкого. За это время он развелся с женой и предложил руку и сердце Амелии, а также настойчиво стал ее уговаривать выступать в опере, предложив себя также в качестве педагога по актерскому мастерству.

Левицкий был старше Амелии на 18 лет, происходил из интеллигентной семьи, был интересным мужчиной: высокий, стройный, голубоглазый, светлый шатен, всегда элегантно одетый, сверкающий чистотой. В ранней молодости, по легкомыслию, он упустил редкий шанс сделать блестящую карьеру. Владелец хорошего тенора, актер с очень сценической внешностью, он рано обратил на себя внимание и был приглашен на дебют в La Scala. Утром, в день назначенного выступления он обнаружил, что простужен. Вместо того, чтобы заявить об этом администрации и переложить выступление, он, боясь, что его могут больше не пригласить, все же выступил. В результате сорвался на высокой ноте, пустил "петуха" и был освистан требовательными миланскими меломанами. С горя стал нюхать кокаин, чем испортил голос и к тому времени, когда встретил Амелию Воль, он появлялся на сцене только в характерных эпизодических ролях, привлекая своей блестящей актерской работой многочисленную публику.

Когда встал вопрос о бракосочетании, возникли религиозные затруднения. Венчаться полагалось в католическом костеле (Николай был католиком), и Амелия должна была креститься. Раньше девушка вовсе не была верующей еврейкой, но перед необходимостью отречься от веры предков почувствовала себя оскорбленной, поэтому отказалась от оформления брака.

В 1910 году 25-летняя Амелия, благодаря настойчивости Левицкого получила ангажемент в Варшавскую оперу, где с первых же выступлений ее ожидал триумфальный успех.

Амелия по-прежнему жила у брата. Став примадонной оперы, она, естественно, стала заметной фигурой. Вокруг нее множились как поклонники, так и завистники и сплетники. Связь с Левицким вредила ее репутации, и слухи дошли до брата Натана. Не делая любимой сестре никаких замечаний, тихий и покладистый Натан стал буквально таять от горя. На второй год своей связи, после многочисленных повторных предложений

Левицкого Амелия, более всего жалея брата, сдалась, приняла католичество и в 1911 году обвенчалась с Николаем Левицким. Вскоре состоялся ежегодный благотворительный концерт в пользу бедного еврейства. Амелия, как всегда, принимала в нем участие. Но когда она вышла на сцену, зрители освистали ее, даже не дав начать выступление. Она плакала, но приняла это как плату за свое отступничество.

В 1913 году у супругов родилась дочь Ханна. Пришедшие с поздравлениями директор оперного театра Метаксян и жена главного дирижера синьора Чимини (впоследствии крестные отец и мать), услышав крик младенца, поздравили счастливых родителей с рождением новой "меццо-сопрано".

А. Воль-Левицкая в роли Чио-Чио-Сан

Головинский проспект

Часть II

Наступил 1914 год, а с ним и Первая мировая война. Фронт приближался к границам Польши и, охваченный паникой Левицкий решил уехать из Варшавы на время военных действий.

В Киеве в то время жила Софья (Зося) Воль – сестра Амелии, которая была замужем за своим кузеном Воль (очень любимым Амелией). Вот туда и отправилась семья Левицких, предварительно заперев свою шестикомнатную квартиру на ул. Маршалковской и сдав на хранение обстановку.

За год пребывания в Киеве Воль-Левицкой не представилась возможность устроиться в оперный театр, так как жена главного дирижера – киевская примадонна – категорически этому воспротивилась. Выступала Амелия время от времени в концертах, на одном из которых ее услышал и оценил тифлисский импрессарио, набиравший труппу по городам России на очередной оперный сезон (1915-16гг). Он тут же предложил Амелии выгодный контракт, и она, поставив условием пригласить также Николая Левицкого в качестве преподавателя пения (что было ей обещано в течение года), согласилась подписать договор скрепя сердце, так как после Европы Тифлис казался ей глухой провинцией. В 1915 году, осенью, Амелия со своей двухлетней дочерью Ганной (Ханкой) приехала в Тифлис. Квартиру ей предоставили в Сололаки, одном из лучших районов города, хозяйка была милая, интеллигентная женщина. Отдохнув с дороги, певица вышла в полдень прогуляться и осмотреться, куда ее забросила судьба. Стояла благодатная тифлисская осень, мягкие солнечные лучи уже не жгли, а только ласково грели. Деревья, густо растущие вдоль Дворцовой улицы и перед дворцом наместника, были покрыты еще зелеными, едва начинавшими желтеть листьями. По Головинскому проспекту с красивыми особняками (ныне пр. Руставели) прогуливались элегантно, по последней европейской моде одетые люди. Дойдя до здания оперного театра, выполненного в псевдомавританском стиле,

с садиком по обе стороны, густыми деревьями и башенками, увитыми цветущей глицинией, Амелия остановилась, приятно пораженная, и возвращалась домой в приподнятом настроении. Вечером она отправилась послушать оперный спектакль. Прекрасный состав труппы – первоклассные солисты, хороший оркестр и дирижер, очень красивый зрительный зал, наполненный блестящей публикой, которая тонко разбиралась в оперном искусстве – полностью удовлетворили ее, и она отвергла всякую мысль о “захолустье”.

С первого же выступления на оперной сцене тифлисского театра Амелия (Мирра) Станиславовна Воль-Левицкая завоевала признание, славу и любовь горячей и благодарной публики грузинской столицы. В ее репертуаре насчитывалось около 35 (!) опер: Татьяна в “Евгении Онегине”, Маша в “Дубровском”, Маргарита в “Фаусте”, Виолетта в “Травиате”, Эльза в “Лоэнгрине”, Марфа в “Царской невесте”, Таис в одноименной опере Массне, Манон в опере “Манон Леско”, Иоланта в опере Чайковского, Эмилия в “Сказках Гофмана”, Мими в опере “Богема”, Елизавета в “Тангейзере” Вагнера и многое другое. Каждая из исполненных артисткой ролей воспринималась публикой и рецензентами как “коронная”. Голос певицы, красивый и неповторимый, проникал в самое сердце, мастерское

А. Воль-Левицкая. Вильно

умение им владеть и безошибочный музыкальный вкус покоряли знатоков, обаятельная внешность, огромные выразительные глаза, отточенное актерское мастерство, доходящее до высшего трагизма (сцены сумасшествия в “Фаусте” и в “Царской невесте”; сцены смерти Мими и Виолетты), великолепное чувство меры - характерные черты этой незаурядной артистки, неоднократно отмеченные критикой и прессой. По воспоминаниям современников, “Воль-Левицкая – это было явление на оперной сцене.”

В январе 1916 года состоялся бенефис. Несмотря на вовсе не цветочный сезон, артистку буквально завалили цветами и преподнесли 35 огромных корзин цветов, увитых широкими, длинными, атласными цветными лентами, на которых золотыми буквами была выведена фамилия артистки и краткие восторженные отзывы о ее мастерстве...

Воль-Левицкая была счастливым исключением из актерской среды. Яркий интеллект, живой и склонный к тонкой иронии, высокое чувство ответственности, скромность, выдержка, умение держаться с большим достоинством, полное неприятие интриг и сплетен – все эти свойства ставили Воль-Левицкую в особое положение в театральной труппе, с которой она входила в контакт только на профессиональной почве...

Через год приехал в Тифлис и Левицкий и был принят профессором пения в консерваторию. Будучи человеком сугубо польской ориентации, который с трудом говорил по-русски, он быстро наладил контакты с несколькими польскими семьями (польская колония была довольно многочисленна), и супруги стали постоянно с ними общаться, хотя Амелия предпочитала бывать в грузинских семьях, где Левицкий чувствовал себя неуютно хотя бы потому, что разговорным языком был русский. Нужно сказать, что за пять лет своего замужества Амелия полностью овладела актерским мастерством, которое так пленяло ее в Левицком раньше, и стала постепенно перерастать его в художественном отношении. Как человек же Левицкий был весьма недалек и зауряден, и это стало угнетать Амелию. Любовь превращалась в чисто формальные отношения...

Часть III

Все это я узнала, уже выйдя из детского возраста, из рассказов взрослых. Своего пребывания в Варшаве, конечно, я помнить не могу, так как мои родители увезли меня оттуда в возрасте одного года. Год в Киеве запомнился одной-единственной картиной: кухонный стол, под ним котятка и мы с моим кузенком Мишей. Вероятно, в Киеве же я болела коклюшем (в очень тяжелой форме), так как помню себя за столом на высоком детском стульчике, во время обеда. Отец был чрезвычайно строг и требователен. Когда я, измученная очередным приступом кашля, забыв о строгих запретах,

Ботанический сад и крепость Нарикала

протянула ручку к какому-то блюду на столе, отец тут же больно шлепнул меня, и я горько заплакала не столько от боли, сколько от обиды. Возмущенная этим, мама выразила свое негодование, и он поцеловал мою пострадавшую руку, но я не простила его. Я всегда боялась отца, который неизвестно почему воспитывал меня сурово, ведь я была тихим и покладистым ребенком.

Помню нашу первую квартиру в Тифлисе, на Бобутовской улице, совсем рядом с Ботаническим садом. Мы жили на втором этаже, окна наших комнат выходили на улицу. На противоположной стороне находилась мужская гимназия и коридор, в котором шумно проводили свои перемены гимназисты, был как раз напротив наших окон. В погожие дни в распахнутые окна чаще других выглядывал, поглядывая на меня, один мальчуган. Моя едва возвышавшаяся над подоконником головка, вероятно, казалась ему очень привлекательной: большие серо-зеленые глаза и густые золотистые локоны, схваченные большим шелковым бантом. Мальчик дружелюбно улыбался, и я на всю жизнь запомнила его глаза – таких синих глаз я больше никогда не встречала. Пелагея Антоновна требовала, чтобы я называла ее бабушкой, видимо, считая, что заменяет мать Амелии Станиславовне. Пело была чрезвычайно колоритной фигурой. Высокая, на годы сохранившая “выправку” институток, верная моде начала века: длинная черная юбка, строгая белая блузка, застегивавшаяся брошью под самое горло, высокая прическа “булочкой” (зачесанные гладко, черные, как смоль, волосы, с четырех сторон приколотые гребешком), орлиный нос, головной убор – нечто вроде смехотворной шляпы Дона Базилио (из оперы “Женитьба Фигаро”) и непременный длинный зонтик – клетчатый в теплое время и черный зимой. Она нас выводила гулять и вскоре маршрут нашей троицы – забавной Пело, изысканной красавицы – Мирры и миловидной девчушки, чинно шествовавшей рядом с горячо любимой мамой, стал известен поклонникам таланта Воль-Левицкой, и они толпами сопровождали нас...

УТРАТА

Ушел из жизни Рафаэль Гайкович Гевенян, истинный грибоедонец, прослуживший в родном театре более полувека. Именно – в родном. Потому что до самых последних дней Рафаэль Гайкович, по сути, не расставался с Грибоедовским. Нет, по состоянию здоровья он уже не мог работать – выполнять свои обязанности звукорежиссера. Но продолжал жить театром в своем виртуальном пространстве – проводил репетиции, общался с коллегами: сознание вновь и вновь возвращало его в театр, к людям, вместе с которыми он проработал не одно десятилетие, делил с ними минуты триумфа, огромной радости и боль неудач... Со сколькими замечательными режиссерами, актерами довелось работать Рафику Гевеняну! В его архиве сохранилось множество программ с их автографами и пожеланиями. Рафаэль Гайкович очень дорожил всем этим, относился трепетно к своим сокровищам, собранным за долгие годы служения. Как говорит очаровательная Нелли, увы, уже вдова Рафаэля Гевеняна, театр никого не может отпустить: однажды заболев им, ты уже никогда не сможешь излечиться от этой любви, страсти, зависимости – как угодно. Не смог оторваться душой от любимого Грибоедовского и Рафик Гевенян. Тем более, что эта страсть и любовь были воспитаны в нем отцом – Гайком Сергеевичем Гевеняном, потрясающим человеком и настоящим профи, много лет проработавшим заместителем директора театра.

Я запомнила Рафика Гевеняна слегка ироничным, умным и обаятельным голубоглазым человеком. Тесно общалась с ним в часы подготовки к поездке грибоедовцев на театральный фестиваль в Саранск – в силу обстоятельств мне предстояло вести спектакль «Кроткая», и Рафаэль Гайкович с любовью – много слова и не подберешь – делился со мной секретами своего мастерства. Оберегал, опекал, болел за меня всей душой... Никогда этого не забуду! Гевенян был большой профессионал своего дела – сегодня не часто встретишь тако-

го мастера... В этом мнении едины все, кому довелось работать с ним. Звукорежиссура была его призванием – правда, осознание этого пришло к Рафику не сразу.

– Отец мечтал, чтобы я стал инженером-строителем, потому что у нас в роду все были инженерами, – вспоминал Р. Гевенян. – Но сыграл свою роль случай. Театр Грибоедова собирался на гастроли в Днепропетровск. А звукорежиссер вдруг ушел с работы, и возникла форс-мажорная ситуация. Главный администратор Рафаэл Михайлович Мерабов предложил дирекции мою кандидатуру, ведь я видел все спектакли, и мне было легче сориентироваться, чем кому-либо другому. Я согласился. Помню изумление отца, когда я вышел из вагона в Днепропетровске! Так я остался в театре. Кстати, отец никогда не пытался влиять на меня. Он вообще был очень спокойный, уравновешенный человек, я ни разу не слышал от него громкого слова! Отец был мне близким другом. Когда я осуществил музыкальное оформление нескольких спектаклей, отец поверил, что это мое дело, что радиотехника мне ближе, чем что-либо еще. И стал мне всячески помогать.

Главное в любой работе – любовь к ней. Звукорежиссер – техническая профессия, связанная с обработкой звука. Но она подразумевает и творческое начало. В любом случае звукорежиссер должен разбираться в музыкальной грамоте. В некотором смысле он «дирижер» спектакля.

За более чем полувека Рафаэль Гайкович «продиржировал» не менее 110 спектаклей, прекрасно владея своей «партитурой»! Это были разные спектакли – сложные и не очень, успешные и менее удачные, трагедии, драмы и комедии, в родном городе и на многочисленных гастролях... И всегда Гевенян относился к своей работе творчески, неформально. Прекрасно разбирался в звуковой аппаратуре всех поколений – это была его стихия!

«Звукорежиссер в сотрудничестве с режиссером занимается музыкальным оформлением спектакля, – рассказывал он. – При этом его задача сделать так, чтобы каждый смысловой кусок сценария получил свое звуковое оформление или свою мелодию, которая выявила бы суть содержания, придала эмоциональную окраску и определила ритм всего спектакля. Музыка создает настроение. Звуковая часть спектакля имеет свои измерения: звук может быть синхронным или несинхронным. Он всегда несет элементы драматургии. Звуковой образ эпизода – это его звуковая характеристика. Например, в спектакле «Мост» по пьесе грузинского драматурга мы все действие продержали на шумах, без музыки. Работа звукорежиссера позволяет импровизировать. Главное, чтобы звуковое оформление полностью соответствовало сценическому действию...»

Прощайте, дорогой Рафаэль Гайкович! Вас будет нам очень не хватать – как замечательного специалиста и близкого, родного человека. Но Вы теперь навсегда неотъемлемая часть истории Грибоедовского театра!

Инна БЕЗИРГАНОВА,
сотрудники театра им. А.С. Грибоедова
и «Русского клуба»

SINCE 1884

SARAJISHVILI

ს ა რ ა ი შ ი ვ ი ლ ი

